Сборник «Чайки над Лобней» выходит в год 80-летия битвы за Москву, 60-летия города Лобня и 25-летия ЛИТО «Ладога»

Чайки над Лобней

Сборник литературного объединения «Ладога»

Выпуск десятый

лито

ладога

г. Лобня 2021 ББК 84(2Poc=Pyc)6я431 УДК 821.161.1(063) Ч15

Авторы сборника выражают искреннюю благодарность заместителю председателя Совета депутатов и руководителя фракции Единая Россия в совете депутатов города Лобня, Генеральному директору ООО «ЭЛИСАН» Кузьмиченко Александру Евгеньевичу за помощь в издании настоящего сборника.

Ч15 Чайки над Лобней. Сборник литературного объединения «Ладога». Выпуск десятый — М.: ООО «Буки Веди», 2021.-180 с.

ISBN 978-5-4465-1353-6

Десятый выпуск сборника «Чайки над Лобней» приурочен к трём юбилейным датам: 80-летию битвы под Москвой, 60-летию города Лобня и 25-летию ЛИТО «Ладога» имени Ю. В. Петрова.

В сборник вошли стихи, проза и публицистика членов лобненского литературного объединения «Ладога». Стихотворения некоторых поэтов публикуются в авторской редакции.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-4465-1353-6

Дорогие читатели!

Перед вами 10-й, очередной выпуск коллективного сборника «Чайки над Лобней», в который вошли произведения поэтов и прозаиков литературного объединения «Ладога» имени Юрия Васильевича Петрова. Многих лобненских литераторов вы, дорогие читатели, несомненно, знаете, а с чьим-то творчеством познакомитесь впервые.

Сборники «Чайки над Лобней» выходят примерно раз в пять лет. Это издание — юбилейное, оно приурочено сразу к нескольким значимым датам: 80-летию битвы за Москву, 60-летию города Лобня и 25-летию ЛИТО «Ладога».

Наш город отмечает своё 60-летие... Много это или мало? Для человека это возраст подведения итогов. Для города это тоже веха. По сравнению с другими городами Московской области наш город молодой. С каждым годом он преображается, хорошеет, прирастает новостройками. В городе успешно действуют и развиваются общественные организации, творческие коллективы, которые делают жизнь горожан более наполненной и интересной.

В начале декабря весь народ будет отмечать значимую дату, как для всей страны, так и для нашего города. Это 80-летие Битвы за Москву. Именно на Лобненском рубеже, где немцы подошли к Москве совсем близко, был остановлен враг. Ежегодно в Лобне проводятся памятные мероприятия, возложения цветов, венков к братским могилам и мемориалам. В школах проходят встречи с ветеранами, которые делятся своими воспоминаниями о военном времени. И каждый раз на таких мероприятиях звучат стихи лобненских поэтов, посвящённых этим декабрьским событиям 1941 гола.

Именно в этом году многие городские общественные организации и творческие коллективы отмечают свои юбилейные даты, проводят отчётные концерты и встречи. И 14 июня отметило свой 25-летний юбилей литературное объединение «Ладога», инициатором создания которого был Юрий Васильевич Петров — поэт, блокадник, Почётный гражданин города Лобня. В центральной городской библиотеке прошёл литературно-музыкальный вечер, посвящённый этой дате.

В этот юбилейный год «ладожцы» подготовили 10-й выпуск коллективного сборника стихов и прозы «Чайки над Лобней». В книгу вошли литературные произведения членов ЛИТО «Ладога», выражающие мысли, чувства авторов, в том числе чувство любви к родному городу, Родине.

В этом году мы вспоминаем ещё одну дату: 95 лет со дня рождения основателя нашего литературного объединения «Ладога» Юрия Васильевича Петрова. «Ладожцы» с благодарностью и любовью хранят память о нём. И как наставление звучат его слова: «Поэзия, была и будь! Твой бесконечен в жизни путь»!

Поздравляем наших читателей с юбилеем любимого города! Пусть он живёт и процветает во благо мира и добра!

Актив ЛИТО «Ладога» им. Ю. В. Петрова

Han - 25!

Перед Вами десятый, юбилейный, выпуск коллективного сборника литературного объединения «Ладога» имени Ю.В. Петрова «Чайки над Лобней», который вышел в год 25-летия литобъединения.

ЛИТО «Ладога» было создано 14 июня 1996 года по инициативе лобненского поэта, члена Союза писателей России Почётного гражданина города Лобня Юрия Васильевича Петрова. Подростком пережив блокаду Ленинграда, он назвал своё детище в память о легендарной Дороге жизни. Юрий Петров был руководителем ЛИТО в течение 15 лет. Члены «Ладоги» до сих пор с теплотой и признательностью вспоминают Юрия Васильевича. С 2011 года, после ухода Ю.В. Петрова из жизни, руководителем ЛИТО «Ладога» был избран поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей и Союза журналистов России Всеволод Михайлович Кузнецов.

За 25 лет существования литературного объединения «Ладога» около двадцати его участников вступили в Союз писателей России, двое «ладожцев» закончили Литературный институт им. А.М. Горького. «Ладогой» издано 9 выпусков литературного сборника «Чайки над Лобней» и один выпуск журнала «Эстафета памяти». Писателями и поэтами литобъединения издано более 100 авторских книг. Произведения лобненских литераторов регулярно публикуются в периодике, в коллективных сборниках и альманахах, на литературных сайтах.

В конце 2015 года у литературного объединения появился свой собственный сайт, на страницах которого размещаются литературные произведения и рассказывается о деятельности ЛИТО. Благодаря сайту даже сложный 2020-ый год удалось провести на творческом подъёме — на сайте публиковались не только стихи и проза «ладожцев», но и проводились ежемесячные удалённые собрания членов ЛИТО!

«Ладога» активно участвует в культурной жизни Подмосковья, успешно развивает межрегиональные и международные литературные связи. В 2012 году литобъединение заключило договор о сотрудничестве с литературным сообществом поэтов города Плевен (Болгария), а позднее — соглашение о творческом сотрудничестве с писателями болгарского города Варна. Трое членов ЛИТО «Ладога» были приняты в «Содружество писателей — Варна», двое стали членами Славянской литературной и художественной академии (г. Варна). В 2020 году все члены «Ладоги» были коллективно приняты в члены СЕПИ-АСЕПИ (Союз европейских писателей и писателей других континентов).

На данный момент изданы два сборника переводов с болгарского языка «Плевенские мотивы» (2014 г.) и «Варненские мотивы» (2018 г.). Несколько «ладожцев», помимо собственных книг, издали сборники переводов с болгарского языка. За последние 10 лет, благодаря налаженным «Ладогой» культурным связям, в гостях у лобненцев побывало несколько творческих делегаций из Плевена и Варны, а «ладожцы» с ответными творческими визитами посещали болгарских коллег.

Члены ЛИТО — постоянные участники культурных мероприятий Лобни, они активно включаются в различные образовательные и общественные акции, проводят литературные вечера, презентации книг, встречи со школьниками и ветеранами, поддерживают творческие связи практически со всеми учреждениями культуры и общественными организациями города Лобня, с удовольствием взаимодействуют с литобъединениями Москвы и Подмосковья. В 2021 году было проведено два медиа-моста «Лобня — Алушта» и «Лобня — Варна». «Ладожцы» успешно участвуют в литературных конкурсах (в том числе и международных) — выходят в финал, занимают призовые места.

Активная деятельность ЛИТО «Ладога» была отмечена Администрацией г. о. Лобня — в 2017 году на обновлённой Аллее Славы в городском парке появился стенд с коллективной фотографией «ладожцев» и информацией о ЛИТО, а в 2018 году, благодаря поддержке Администрации, на доме, где жил Ю. В. Петров, была открыта памятная доска.

В свои 25 лет литературное объединение «Ладога» имени Юрия Васильевича Петрова молодо, полно творческих сил и энергии и открыто для новых проектов и знакомств!

Юрий Петров (1926-2011 гг.)

Основатель и первый руководитель (1996-2011 гг.) литературного объединения «Лалога».

Член Союза писателей России. Лауреат и дипломант многих литературных премий. Автор семи сборников стихов. По его инициативе и под его редакцией было выпущено восемь коллективных поэтических сборников «Чайки нал Лобней».

Всеволод Кузнецов

Поэт, переводчик, прозаик, публицист. Руководитель ЛИТО «Лалога» с 2011 гола.

Член Союза писателей и Союза журналистов России, творческого клуба «Московский Парнас», Академии Российской литературы. Академик Болгарской академии наук и искусств (г. София), член Славянской литературной и художественной академии (г. Варна). Действительный член Академии литературной документалистики. Выпустил пять собственных поэтических книг и несколько сборников переводов болгарских поэтов.

Содержание

Вступительная статья	3
Нам — 25!	5
У истоков «Ладоги»	
Юрий Петров	11
Владимир Беликов	16
Людмила Белова	19
Галина Журкина	23
Татьяна Ивакина	27
Раиса Можаева	30
Екатерина Ратникова	32
Елена Соколова	37
Юлия Соколова	39
Лариса Токун	41
«Ладога» сегодня	
Всеволод Кузнецов	56
Сергей Борисов	61
Надежда Васильева	65
Вячеслав Васильев	68
Галина Дриц	70
Владимир Зерцалов	75
Андрей Иванов	79
Людмила Королёва	82
Александр Крохин	87
Галина Леонтьева	95
Елена Лешковцева	99
Анатолий Лешковцев	102
Лариса Литвинова	103
Тамара Малкина	112
Галина Мамонтова	119
Светлана Наумова-Чернышова	133

Александр Петров	137
Елена Постоева	142
Галина Сметанина	146
Евгения Титова	148
Татьяна Чеглова	156
Евгения Шарова	159
Альбина Янкова	163
Они живы в нашей памяти	
Василий Луговской-Лесковский	168
Ефим Глухов	170
Автандил Кукин	172
Анатолий Можаев	174
Мария Перфильева	175
Памяти Владимира Беликова	178

U ucinocob «Nagoru»

Владимир Беликов

Людмила Белова

Галина Журкина

Татьяна Ивакина

Раиса Можаева

Екатерина Ратникова

Юлия Соколова

Елена Соколова

Лариса Токун

70 рий Петров

У Рогачёвки

Спускались закаты, сурово багряны, И каски плотней прижимались к виску, А Лобня сражалась у Красной Поляны, Геройски собой заслоняя Москву.

А враг от столицы совсем уже близко, Но встал наш солдат, словно щит броневой. Не зря в Подмосковье стоят обелиски, И память России хранит их покой.

И помнят то время родные берёзки: Атаки, разрывы, огонь без конца, Как насмерть сражался у Рогачёвки Отважный зенитный расчёт Шадунца.

Битва за Москву

Всё отдаляется военный сорок первый. И пепел тех пожарищ смыт дождём. Но до сих пор звенят, как струны, нервы, Лишь только памятью по ним пройдём.

И словно в страшном сне встают картины: Блокада, голод, битва под Москвой, И блеск штыков, и спины, спины, спины, Идущие в снегу на смертный бой.

Безмерен дух — в нём высший смысл Природы. Унизишь — и не укротишь уже. Великий Дух Великого народа Стеной встал на последнем рубеже.

Крошилась сталь об эту твердь святую. И сквозь неё фашист пройти не смог. И танки отступали врассыпную, И враг бежал назад, не чуя ног.

Огнём светилась Красная Поляна, И был безжалостным её ответ. Громили наши части окаянных. И адом им казался Белый свет.

Герои Битвы той, поклон вам низкий! Какой ценой столицу сберегли! Не счесть по Подмосковью обелисков. Не счесть солдат, что за неё легли.

Последний полк

Ветеранам Великой Отечественной войны

Не пришедший с войны солдат, Тот, кто Родине отдал всё, Через муки и смерть, и ад До сих пор нам победу несёт.

Он идёт навстречу живым. Строг, печален солдатский взгляд. Уже многие встретились с ним. Этим встречам он вовсе не рад.

Прибывает в той вечной семье От нещадных годов, от ран. Что он видел на горькой земле, Защитивший её ветеран?

И идут цепь за цепью бойцы, В вечный мрак идут, в тишину. Оставляют всё детям отцы, Лишь берут с собой седину.

Грянет энский недальний год. И под знамени грустный шёлк Весь российский великий народ Соберёт их в последний полк.

Он пройдёт, орденами звеня, Он пройдёт, как прощальный салют. Он войдёт в тебя и в меня, Словно самый священный суд.

Не пришедший с войны солдат, Тот, кто Родину жизнью спас, Может быть, судьбе будет рад, Если радость увидит у нас.

Осень

Уж ветер рвёт листву с деревьев. Кусает холод по утрам, Но солнышко ещё не дремлет, Несёт тепло дневное нам.

Лучи его ласкают кроны, А листья тихо шелестят. И королевские короны Дубы наверх надеть хотят.

Люблю я солнечную осень, Люблю горячие деньки, Смотреть сквозь лес на неба просинь И на волнение реки.

О Русь моя, как ты безбрежна! Какою силой рождена? Твоей душой, большой и нежной Планета вся удивлена.

Тебя сыны не забывают, Враги тебе давно вредят. Не все ещё, наверно, знают, Как русские мечи звенят.

Берёзы

Зелёная роща кудрявых берёз, Какую ты думаешь думу? Иль, может быть, мыслями в облаке грёз Плывёшь безмятежно, без шума.

Красою своей изумляешь меня, И месяц тобою гордится.

Влюблённому ветру, листвою звеня, Ты машешь, а он всё резвится.

Я к русскому краю любовь берегу, В нём милый «берёзовый ситец», Забытый овин, рядом сено в стогу, В избе деревенское сито.

Ленинградский реквием

Люди России, склоните знамёна. Над Пискарёвским плывёт перезвон... Это, восстав со священного лона, Спавшие вечно прервали свой сон.

Люди России, блокадные дали Не забывайте. Любите живых. Как защищались и как голодали, Спросите у них. Спросите у них.

Вспомните тех, кто Ледовой дорогой Вёз сквозь блокаду спасительный хлеб, Кто не дошёл до родного порога, Кто умирал, чтобы город окреп.

Знайте, что павшие наши невзгоды Видят. И это тревожит их сон. В самые страшные, смертные годы В колоколах раздаётся их стон.

Люди России, склонитесь главою Перед живыми, кто был в том кольце, Перед тяжёлой блокадной порою, Ставшей над миром в геройском венце.

Владимир Беликов

День Победы

Я в страхе не дрожал под вой снарядов, В окопах вшей тифозных не кормил, От голода не падал я в блокаду, В атаку штыковую не ходил.

Смертельные года сороковые Достались нашим дедам и отцам. Не подвели. И годы молодые Отлали для победного конца.

На миг себе представить даже страшно, При мысли холодею я одной — Что сделалось бы с родиною нашей, Случись ей быть под вражеской пятой.

И если я дышу теперь свободно, То только им одним благодаря. И этот день встречаю я с восторгом — Победы день — венец календаря!

«Если молодость — это болезнь...»

Если молодость — это болезнь, То она очень быстро проходит. Веселитесь, пока она есть. Наслаждайтесь, пока на свободе.

Постарайтесь веселье продлить И душе никогда не давайте На минуту хотя бы остыть, Несмотря ни на что, напевайте.

Есть, что будет вам вспомнить порой В невесёлые, зрелые годы: О безумной поре золотой, Отшумевшей, как вешние воды.

Пойте песни — без них суета, Угнетает усталость и холод, И любовь роковая не та, Если стал ты душою не молод.

Оказавшись на жизненном дне, Не пугайтесь и не грустите — Представляйте себя на коне И что к милой вы бешено мчите.

Если молодость — это болезнь — Пусть она никогда не проходит, Всё от жизни берите, что есть, Даже если года на исходе.

Песня о Лобне

Лучше нет на свете Лобни. И поспорить я готов — Хоть от зависти ты лопни — Лучше нету городов!

Что мне чей-то край далёкий, Здесь такая благодать! И Москва совсем под боком — До неё рукой подать!

В небе чистом и высоком За штурвалом птиц стальных Нашей Лобне каждый сокол Машет крыльями страны!

Край покинув, на сторонке Сразу я грущу уже По хорошенькой девчонке На четвёртом этаже.

Лобня, что ни говорите, Краше всех прекрасных мест — Уезжать не захотите От друзей и от невест!

Людмила Белова

Стихи для моих внуков

Я играю

Я играю в паровоз — На спине кота повёз. Кот, наверно, испугался, Со спины на стол забрался. Полетела чашка вниз, Кот запрыгнул на карниз. А с карниза он свалился, К занавеске прицепился. Занавеску оторвал И в горшок с цветком упал. Я кота потом лечил, Хвост зелёнкой намочил, Градусник ему поставил, Аспирин глотать заставил.

Без мамы

Дима плачет день и ночь. Не могу ему помочь. Не нужны ему игрушки: Пистолеты, танки, пушки. Отказался от конфет, Потому что мамы нет. Я хочу его обнять... А ему нужна лишь мать. Спрашивает то и дело, Объяснять уж надоело:

— Мама с папой на работе, Целый день они в заботах.

Не уходит он с крыльца, Ждёт он маму и отца.

Режим дня внука

На земле вся детвора
Кашку есть должна с утра.
Если утром ешь печенье,
Ждёт тебя потом леченье.
Погуляй и поиграй —
Чем такая жизнь не рай!
Чтоб животик не болел —
Супчику в обед поел.
А на полдник фруктов скушай,
Сказки и стихи послушай.
Макароны иль картошку
Съешь на ужин понемножку.
На ночь выпей молока.
До свидания, пока...

Брат Серёжка

У меня есть брат Серёжка. Он подрос уже немножко, Два исполнилось ему. С ним играть уже могу. Любит кашку, суп, арбуз Развесёлый карапуз.

В Новый год с новыми надеждами!

На пороге 2021 год. Ждём новогодних праздников, надеемся на всё хорошее и доброе. Не хочется нести тревожные воспоминания из уходящего года. 2020-й год был для всех испытанием. Такое испытание было послано и мне. Я заболела COVID-19 в ноябре. Две недели лечилась дома. Это не помогло. Анализ показал, что я больна этим вирусом. Так как в ближайших больницах не было места для таких больных, меня отвезли в Химки, где недавно открыли большой госпиталь. Когда я там лечилась, в госпиталь приезжал губернатор Московской области А. Ю. Воробьёв. Он вручил по 2 кг мандаринов каждому пациенту. Это было радостно и приятно для, борющихся за жизнь. Хочу поблагодарить врачей и обслуживающий персонал госпиталя города Химки. Они работают, как на передовой. Это тяжело. Врачи — такие же люди, как все мы, и они тоже заболевают, некоторые умирают, исполняя свой долг.

Я преодолела болезнь в ноябре 2020 года, выжила, дышу, гуляю, хожу в храм с честь священномученика Серафима Чичагова в микрорайоне «Катюшки», и пишу благодарные строки всем, кто мне помогает жить.

Доброе слово хочу сказать о нашем батюшке — отце Сергии. Я переехала в «Катюшки», когда и храма ещё не было. А через некоторое время стала возводиться деревянная церковка во имя Серафима Чичагова. Первым настоятелем был назначен иерей Димитрий (Григорьянц). Потом настоятелем храма был о. Миха-ил (Трутнев), затем о. Николай (Романцев), а теперь иерей Сергий (Киреев). Он живёт в Химках. Молодой, но уже много сделал

благотворительных дел. Он и квартиру мою освящал. Прихожане в Катюшках его уважают за доброе отношение ко всем. Всех помнит, даёт советы, всячески поддерживает, вселяет веру и надежду на лучшее.

Как я была счастлива, когда увидела нашего отца Сергия в палате госпиталя. Уж, такая радость, такой подарок был для больных, врачей, персонала! Он, словно солнечным лучом, всех осветил. Стало как-то легче, появилась надежда на выздоровление. А какие православные праздники он благословляет в нашем храме! Смотришь, слушаешь, и мысли, словно светлые ангелы, летают над нами, и мы чувствуем их присутствие. Но, что главное — за всей нашей суетой, работой, болезнями надеждами, празднословием и радостями стоит Бог. Надо только благодарить Его за всё, помолиться, в церковь прийти, посоветоваться с батюшками храма. И приходит тихая радость.

Спасибо всем-всем добрым людям, благотворителям! Всем, кто помогает мне и делают краше мою долгую жизнь пожилого человека. Спасибо, добрые люди!

Талина Журкина

Не повторилось бы всё вновь

Была однажды в выставочном зале На встрече двух поэтов-земляков. О днях блокадных нам они читали. Я с Ленинградом повстречалась вновь.

И вспомнились ужасные картины: Обстрелы, бомбы, голод, холода. Глаза сестры, малышки нашей — Нины, Из жизни уходившей навсегда.

У мамы — трое маленьких девчонок, Сухарь последний мочит и даёт. У Нины голосочек тих и тонок, Уже не ест, не пьёт и не встаёт.

Она скончалась. С ней ушла и радость Из дома, что наполнился бедой. Отец погиб, и в дом вселилась старость — Ведь мама стала вдруг совсем седой.

Никто не мог их успокоить души, Рыдавших матерей лишь по ночам. Ах, мама, мама, ты меня послушай, Тебя в обиду никому не дам.

И словно ото сна я пробудилась, Услышав, как стихи читал Петров. Сейчас, конечно, многое забылось. Дай Бог, не повторилось бы всё вновь.

Ода матери

Ведь завтра может и не наступить...

Седеет мать, причин на это много, От возраста, болезней и невзгод, Что к дому заросла травой дорога, Стал сиротой родительский порог.

Сказал в сердцах сын колкое словечко, Мать обомлела, сжалась вся в комок. Забилось с перебоями сердечко, В руках дрожащих комкает платок.

А разговора с ним не получилось, И он ушёл, вернуть уж не смогла. С ней что-то непонятное случилось. От боли и обиды мать слегла.

Не опоздать бы попросить прощенья, Ведь завтра может и не наступить. И не найдёт себе он утешенья, Одна лишь мать способна так любить.

Подумайте о ней и поезжайте, Поговорить вам нужно по душам. И дом родной почаще навещайте, Не придирайтесь к маминым словам.

Её обидеть вовсе и не сложно, Всё стерпит, коль забот о вас полна. И относитесь к ней вы осторожно. Любите мать, она у вас одна.

Память

Уходит в прошлое судьба С военных фронтовых дорог, Она трагична и больна, Никто её сберечь не смог.

Зовёт набат, звонят колокола, Их перезвоном переполнен день. Людская боль — она ещё жива, Её накрыла чёрной шали тень.

Припомнились те страшные бои, Когда к столице шёл напором враг, И поднялись Отечества сыны, Преградой стал окоп, теперь овраг.

Не счесть погибших — помнить мы должны О тех суровых и жестоких днях. Они остались на полях войны, Но к нам порой являются во снах.

И рядом, будто деды и отцы, Что на полях сраженья полегли. Их правнуки, праправнуки — бойцы Собрали всех в Бессмертные полки.

Растут ряды Бессмертного полка. Мы их потомки — рядом и идём. Не всех мы оживили их пока, Отыщем след — наверняка найдём.

В одном строю с живыми наравне. Родных портреты с гордостью несём. Такое счастье жить в своей стране! Мы День Победы с нетерпеньем ждём. Они живые, с нами на века, Пусть и остались на полях войны. Их подвиг не забудем никогда И памяти их будем мы верны.

Начало «Ладоги»

В 1996 году я была избрана в г. Лобня председателем женской организации. А в 1997 году состоялась моя личная встреча с поэтом-блокадником Юрием Васильевичем Петровым. В разговоре с ним я поведала, что увлекаюсь поэзией с детства. Время свободное есть, и потихоньку пишу. Юрий Васильевич пригласил меня на заседание зарождающейся организации поэтов — ЛИТО «Лалога».

В то время в ней было всего пять человек. Постепенно организация стала пополняться любителями поэзии. Для меня послужили большим примером уже сложившиеся поэты — участники Великой Отечественной войны. Это были Пётр Черняев, Николай Акулов, Виктор Грядин, Анатолий Можаев. Но самое главное, какое трепетное отношение к каждому из нас было со стороны руководителя — Юрия Васильевича Петрова.

Проводились очень интересные занятия. Долго не могли запомнить, что такое ямб и хорей. Никогда не забуду, как он на летний период давал на дом задания, а затем, по приходу на занятия, каждый отчитывался, что и как написал. Юрий Васильевич вкладывал в нас свою душу, но и критиковал, если это было нужно.

Как-то так получилось, что вместе с поэзией во мне зазвучала музыка. Я попросила Юрия Васильевича, чтобы он разрешил написать музыку к его стихам «Материнские слёзы», чтобы он дал добро. Песня родилась быстро и звучит и поныне. Где бы и кто бы ни исполнял её, всегда она имела успех. Это был мой первый опыт в написании мелодии к стихам. Затем я стала писать песни на стихи Александра Станишевского, Сергея Борисова, а в данное время пишу песни на свои стихи.

Юрий Васильевич оставил в моей душе глубокий осмысленный поэтический след.

Матьяна Ивакина

* * *

Посвящается моему учителю поэту Юрию Петрову

Если марши замолкнут вдруг, То останется Ваше имя, Роковой кисеёй разлук Сохранённое в белом дыме.

Лишь огарком ночной свечи, Воскрешённое жадной страстью Воспалённой моей души, В отречённой рассудка власти.

Не заплачет уже никто, Нет в забвении преклоненья. Я же помню пустой листок, Что на Ваших лежал коленях.

Только слов череда промчит В позабытой слегка тираде. И поставят немой гранит На неизданные тетради.

Будут двигаться облака Неувиденною строкою. И взнесённая ввысь рука Не утешит святым покоем.

В бытие продолжая круг, Не могу отпустить унынье. Если марши замолкнут вдруг, Мне останется Ваше имя.

* * *

Ты — свет мой ясным днём В лазурном небосводе. Ты — тень моя, ручьём Текущая к свободе.

Ты — боль моей души И радость созерцанья. Ты — дождь в ночной тиши И радуги мерцанье.

Ты — смысл заветных слов И замысел событий. Ты — гость волшебных снов, Предвестник всех открытий.

Ты — ангел, для меня Сошедший из чертога. Чтоб факелом огня Светить мне у порога.

Вишня

Нет, я даже и не старалась. И, поверь мне, не жду прощенья. На ладонях моих осталось Благородное снисхожденье.

Я не видела красок белых. Да и многих других не вижу. Просто ягодой переспелой За забором свисаю с вишни.

И от взгляда чужих прохожих Истекаю багряным соком. Трудно быть на тебя похожей, Утопая в своих пороках.

Многолетняя бьёт усталость. И несказанных слов талмуды. Что теперь от меня осталось? Подскажи мне, я завтра буду?

Pauca Morkaeba

Я родилась в 41-ом...

Я родилась в 1941 году в городе Новозыбков Брянской области. В страшное время появилась я на свет божий. Фашисты захватили наш город. Из рассказов моей мамы, Галины Григорьевны Качановой, я знаю, что время было жуткое. Часто слышались выстрелы и взрывы. Убивали людей, домашних животных. Над девочками издевались, подростков отправляли в Германию. Жгли дома... Казалось, что пришёл конец света.

Из роддома мама пришла домой, а дома уже не было — одни уголья. И надо было как-то выживать с тремя детьми. Временно жили у дальних родственников в деревне, а затем в землянках в лесу. Мой папа, Александр Кузьмич Качанов, геройски погиб в первый же год войны под Оршей, так было написано в похоронке.

Леса на Брянщине болотистые, дремучие. Немец боялся наших лесов и партизан. Было тяжко маме, да и детям не легче: голодали, болели... Терпели нужду и лишения. Я подрастала и часто думала, что мама никогда не спит — всё время в делах и заботах.

Запомнился один эпизод. В дом, где мы жили, пришли советские солдаты. Их было много. Измученные, уставшие, падали на пол и засыпали. Мама сварила в печке картошку в большом чугуне и утром накормила солдат. Один служивый, большой со светлым чубом, посадил меня на колени, угостил хлебом и тушёнкой. Когда уходили, один из солдат подарил маленькую подушечку и сказал, что у него дома осталась дочка. Если бы мне встретился тот солдат, я бы его узнала из сотен!

А время шло, закончилась война, мы переехали в свою деревню. Маме, как вдове с тремя детьми, построили избу. За время войны Галина Григорьевна всему научилась: лён сеяла, пряла и шила, заготовляла дрова. С другими вдовами пахала землю на коровах, а часто плуг тащили сами женщины. А дети помогали, чем могли.

Помню дни, когда войне пришёл конец и с фронта стали возвращаться солдаты. Из ста ушедших из нашей деревни пришло только четверо. Кто без руки, кто без ноги... Их встречали как героев. Вернулся только один из пяти братьев моей мамы. А сын моего дяди, Фёдор Качанов, сгорел в танке. А сколько таких героев осталось на полях сражений в братских могилах, никто не знает. Земля им пухом, вечная слава солдатушкам!

Шли годы, жизнь налаживалась, хоть и было трудно. Мы росли, учились, помогали взрослым. Помню первую жатву. Вышли в поле и стар и млад. Все радовались первому послевоенному урожаю. Жали серпами, связывали в снопы, а ночью молотили. Мы, босоногие дети, которым было по 5-7 лет, бежали собирать колоски, чтобы ни один не остался в поле. Взрослые говорили, что наша работа крайне необходима, чтобы поднять из руин нашу страну.

В 1948 году я пошла в школу. Так и закончилось моё босоногое детство. Я себя считала уже взрослой. В войну дети рано взрослели, были ответственные и терпеливые.

Екатерина Ратникова

* * *

Этот двор ты не сможешь узнать, даже если б искал: Старой детской площадки веселый цветастый оскал, И качелей доска, и огромная лужа внизу. Подмерзает вода, и узоры по луже ползут.

Раз — щекочет внутри, между ребер рождается смех. Два — деревья вокруг замирают, срываются вверх. Раз — ты дерево тоже, ты воздух, который устал И когда-то стал телом, и долго внутри прорастал.

Два — лети, прорывайся сквозь кожу, туда и сюда, Посмотри: нет вокруг ничего, только твердь и вода, Только неба приливы над ними то видно, то нет. Ты свободен, пока ты летишь — то к земле, то на свет.

Начинается снег — по лицу, по запястьям хлестать, Потому что нельзя без причин в междумирье летать, Потому что нет лучше учебника жизни иной, Чем доска на цепях на площадке нелепой цветной.

* * *

Я слов не читаю, а вижу их все в лицо: Рисунки, виньетки и текст для детей едины, И мне невдомек, что с годами в конце концов Забудется всё, только это неизгладимо, Что взрослым учиться так тщательно смысла нет — В глубины вещей не пускает упрямый разум. ...Я знаю их вкус, знаю запах, структуру, цвет, Я вижу страницу — как мысль и картину разом.

Что ж, в тридцать — я кладбище многих надежд и дел. Другие дела мне даются взамен, как милость. Как ярок был свет, как же медленно он редел, И дверь приоткрыта была, а теперь закрылась.

* * *

Я помню это мир совсем другим, — Не пёстрым, не бетонным, не железным, Был лес, и жгли костры, и вкусный дым По вечерам плыл облаком чудесным. Дома смотрели окнами на лес, Был зелен двор, и было так уютно В квартирах отдыхать, дружить и есть, И жизнь шла в миг, а время поминутно, Старела мебель (новой не купить), И кот, и люстра, и фарфор на полках, Но было в этом счастье, может быть, Без вымысла, без выгоды, без толку.

* * *

То было в иные годы, Когда между двух веков Москву покрывали воды Рекламы и бутиков.

Бесследно дома тонули Кварталами и поврозь В богатом весёлом гуле, Но мимо и как бы сквозь

Плыл дом на одном бульваре С упорством святой ладьи, И жили там Божьи твари, Кто парами, кто один.

К окну подлетали птицы, Умевшие всё успеть: И ссориться, и кормиться, И драться, и песни петь.

Внизу же по всем дорожкам, А также по этажам Изящно ходила кошка, Бездельников сторожа.

Собака водилась тоже, Хранила не кость — устав, Но я появилась позже, Лишь старость её застав.

Блажен во всех поколеньях Твой род, в ответвленьях всех, О, странник, на чьих коленях Дремали ногами вверх,

С чьих рук чёрный хлеб клевали, Ни крошки не сыпля вниз, Чей голос встречали лаем, Сходящим в счастливый визг...

То было во время о́но, Исчезло невесть куда; Дом жёлтым был, двор зелёным, А прочее — как всегда.

Сирень

Майский дождь моросит в безразличном саду, Всё ещё полусонном и полупрозрачном. Отцветает сирень — как цвела — на виду, Странно, мрачно.

Пахнет прелью от мокрых, поблекших цветков, Мотыльками летящих на тёплую землю Умирать среди сотен других мотыльков. Тихо внемлю.

Долго ветви озябшие гладит рука. С листьев катятся капли досрочного тленья... Моя самая лучшая в жизни строка, Стань сиренью!

Лист бумаги — прохладен, по-новому пуст, На измученный стол белым озером ляжет. Все слова ни к чему — этот сгорбленный куст Больше скажет.

* * *

Люблю я в полдень в январе, В пяти шагах от шума, бега, Расчистив лавочку от снега, Сидеть в каком-нибудь дворе.

В трясине светско-городской Нельзя всерьёз не удивляться Тиши дворов-старообрадцев, Хранящих строгость и покой.

К ним входишь, робок и согбен, Как в дом к любому староверу, С условием принять на веру, Что правды нет вне этих стен. Вот голубь с выгнутым хвостом Скользит по льду вокруг подруги, Как воин в ритуальном круге, Весь в танце важном и простом.

Вот неприметный магазин Глядит из темноты дворовой На лоск многоэтажки новой, Стремясь всем видом возразить.

С надеждою набить нутро Собака грязная хромает, Когтями хрусткий лёд ломая, По направлению к метро...

...И всё в новинку, как во сне, Пусть каждый год одно и то же, — И жгучая роса на коже Руки, сметавшей с лавки снег,

И ослепительный, как смерть, Луч солнца в ледяном покое, И небо — чистое такое, Что вверх не смею посмотреть.

Enera Coronoba

* * *

Долгожданной тишиной обвиваю плечи. Под сияющей луной ожидаю встречи. Неподвижно улеглись от деревьев тени. Наступило на земле время откровений.

Упоение души — внемлющей раскрытой. Удивительный покой — давний, позабытый. Колыхание листвы лёгкостью крылатой. Беспредельна синева, таинством объята.

* * *

Настала ночь. Звезда взошла — Мой собеседник молчаливый. Раскрепощается душа И смотрит в небо сиротливо.

Там неизменные миры Хранят космические тайны. Покоя вечного дары Зовут и манят не случайно.

Туда, где миллионы лет Галактик реяли светила. Туда, где пламенный завет Влечёт и источает силы.

Васильки

На моём окне — Васильков букет. Их лазурный цвет Веселит меня. Согревает взгляд, Душу радует, Что дарит земля Наша мудрая.

Их цветение Среди спелой ржи — Отражение синевы небес. Чтобы помнил люд, Нуждой скованный, Что есть чистый цвет Неба ясного.

70 nug Cokonoba

Мой альбом

Мой друг единственный, альбом, Тебе вверяю чувства, страсти. С тобой не страшен утлый дом, Ты знаешь все мои напасти. Тебя открою, погрушу Над тем, что было, отболело... Тебе молчанье я прощу. Возьмёмся ж, друг, за наше дело! Одна, в отчаянной глуши, Я лишь с тобой могу общаться! Ты словно намекнёшь: «Пиши». Я — буду рифмовать, стараться.

Вот и зима

Снежок летает белой мушкой.
Зима с морозной колотушкой
Обходит серые поля.
Дрожит от холода земля.
Прозрачной линзой лёд прогнётся,
С утра позёмкой пронесётся,
Сплетая в косы, белый снег.
Взгрустнёт продрогший, сонный брег.
Дрожит осинник дрожью робкой.
Зима уверенной походкой
С морозцем выйдут на простор,
Чтоб ткать изысканный узор
На окнах маленьких домов.
Из века в век расклад таков.

Вечерняя прогулка

Я подожду, Когда зажгутся фонари Жемчужным, ровным ожерельем, И будет сказочной свирелью Пленять их ветер до зари. Я подожду, Когда царица-ночь Раскинет в звёздах покрывало И будет навевать немало Снов, устремляющихся прочь.

Погаснет свет от фонарей, И потускнеет ожерелье. На время уберёт Борей — Ларец с волшебною свирелью.

Лариса Мокун

Марина Цветаева

Змеиные меняет шкуры. И вновь права. В многоголосье партитуры Звучат слова Вне времени, вне быта – выдох. И смерть – вина. Живую душу голос выдал: Она, она. То шелест губ, то тварей топот По большаку, То свист разбойничий, то ропот, Плач – на бегу. Отставших – злобное шипенье, Забвенья толк. Быть «Я» решений и сомнений — Поэта долг. Неторными путями – выжим – Одной идти. И умереть... И встать. И выжить -Звезлой взойти!

* * *

Сергею Есенину

Мчится к древней Рязани мой поезд, Мчится, мчится в Рязань без меня. В суете не услышала Голос, Не хватило былого огня,

Чтоб, как прежде, вскочить в электричку, Грусть усталую сбросить с плеча, Адреса, впечатленья привычно — Всё в котомку. И вновь горяча

Каждой встречи зажжённая искра! В золотом листопаде словцо Я ловлю. Речи русской пречистой Слог упругий свивает кольцо

Разделённых и снова единых Городов, деревень, малых рек — На есенинских травах полынных! Мой суровый неласковый век

Словно ветром взметнул переменным Гривы красных весёлых коней, Ароматом духмяным нетленным Пробирает до самых корней.

Льётся стих, в перекличке задорен, Поэтическим словом пленя... Я себе не прощу, что мой поезд Мчится, мчится в Рязань без меня...

«Ладога». Как это было...

Первым «ладожцам» посвящается

Держу в руках первый выпуск сборника «Чайки над Лобней». Тоненькая синенькая книжица. На обложке далёкий силуэт Киовского храма, озеро, чайки. 120 страниц, 20 авторов. 1997 год. Тогда, 14 июня ЛИТО «Ладога» отметило свой первый день рождения — и вот уже сборник. Москва достойно встретила своё 850-летие — ему посвящён выпуск. Страна вновь училась радоваться, восстанавливалась после потерь ещё не ушедших 90-х. Родилась городская газета «Лобня», появилось своё телевиде-

ние, радио, «единственное в мире радио, которое рассказывает о нашем городе». Этот сборник — первая наша маленькая победа, вклад ЛИТО «Ладога», городского литературного сообщества, в общее дело. Как это было? Какими мы были? О чём думали, спорили, писали?

Пётр Черняев на первой странице — по-русски широко, песенно «Словом», «Притчей-сказом» о России, её красоте, её болях. О Первопрестольной столице и, конечно, уже тогда известное всем о любви неисполненной «Течёт река, звенит ручей... И я ничья, и ты ничей», в этой книжке отмеченное посвящением нашей землячке Надежде Кадышевой, бывшей работнице ткацкой фабрики на Красной Поляне.

Следующий, светлый редкий человек Николай Акулов, подполковник в запасе. О военных дорогах, любимой профессии и вновь о «Москве Юбилейной», а главное — «Молодому воину» с верой в будущее: «Моя любовь особого покроя./Её истоки в боевом строю./Скажу, солдат, и истину не скрою./В тебе я вижу молодость свою».

Не обойти вниманием щемящие, трогательные стихи Галины Журкиной о девочке-блокаднице с нелёгкой судьбой. С теплотой и благодарностью — о детском доме, воспитателях, босоногих сверстниках-сорванцах и о маме: «Где ж ты, мама? Где ты затерялась?/В сутолоке страшных грозных дней? — /Как же быть? Ведь я одна осталась/Средь пожарищ, дыма и огней».

И, конечно, тут стихи Юрия Петрова, тоже блокадника Ленинграда, руководителя литературного объединения, чьими волей, стараниями и верой был создан этот первый альманах. С болью тогда он писал об исчезновении чаек над Киово. «Уж не кричат над Лобней чайки./Их гнёзда ветер разметал./Ещё не поздно, выручайте — /Чтоб символ герба не упал...» С его стихами, двумя маленькими книжечками-брошюрками из серии «Библиотечка поэта» я впервые познакомилась в центральной библиотеке города.

Моё первое ЛИТО, которое я начала посещать, было «Клязьма», в Долгопрудном. Вскоре узнала, что и в моём городе тоже образовалось литературное объединение. Стихи его руководителя Юрия Петрова о блокаде, перенесённой им совсем подростком, понравились своей простотой и искренностью. Пришла на заня-

тия. Они проходили тогда два раза в месяц в «Школе Искусств» в маленьком музыкальном классе. Всего несколько парт в два ряда. Нас тоже было не много. Это было самое начало. Взрослые люди, даже по моим понятиям. Кто-то годился мне в отцы, ведь мои родители, как и они, тоже были участниками войны. Царила удивительная атмосфера доброжелательности, взаимного уважения, открытости, интереса и сопереживания маленьким успехам каждого. Читали свои стихи, делали замечания, задавали вопросы, учились друг у друга. Спорили, искали истину поэтического слова, фразы. Конечно, и о текущих событиях – тоже. Постепенно круг наш ширился. Каждая встреча была радостью, событием. Мы ждали этих суббот. Разумеется, благородная внешность офицера в отставке, интеллигентное общение и мягкий юмор, присущие руководителю нашего объединения Юрию Васильевичу Петрову – всё это привлекало и объединяло людей. И всё же, тон задавали фронтовики, уже собственным страшным опытом познавшие цену человеческим отношениям, правде, справедливости, чести, стойкости. Жизни и смерти.

Кто запомнился с той первой для меня встречи, первого занятия? Акулов и Грядин, Станишевский и Беликов, Глухов, Иванищев, конечно, Черняев. Почему-то не запомнила тогда Галину Журкину. Или сидела она непривычно тихо, или просто не было её на том занятии. Но потом она была всегда.

Николай Акулов. За плечами война, Военно-юридическая академия, служба в органах Государственной безопасности, работа в Гражданской авиации, теперь работа в Совете ветеранов. А стихи, кажется, были всегда. С 40-го года писал и печатался в газетах и разных изданиях. Как подкупающе уживались в нём уверенность, сила, спокойствие и — скромность, мягкость, доброта, тонкая душевная организация. Он был не из тех, кто публично рвал и бросал в огонь свой партбилет. Переживал за происходящее в стране с болью, как личное горе, утрату, чувствовал личную ответственность за разрушенную страну, тревогу за молодых. Стихи, мысли, воспоминания — всегда понятные, простые, но высокие и благородные. С этой непереносимой раной он и ушёл из жизни в канун Дня Победы 2001 года. Я тогда посвятила ему 2 стихотворения, одно из которых читала у гроба, у его дома в Букино. Вто-

рое так и начиналось: «Не захотел он праздновать победу. Ушёл в канун, не попрощавшись...»

Виктор Грядин. Военные судьбы сблизили и породнили этих двоих людей, таких разных и таких похожих. Воин-солдат, потом 40 лет слесарем-наладчиком на заводе, но такой же ранимый, справедливый, только дерзкий и бескомпромиссный в своих убеждениях и высказываниях. На войне, как на войне. Так и в стихах. Не очень-то он бывал удобен, часто нарушая спокойный ритм занятия, заданный руководителем. Воспитанный сдержанный, но честный Акулов поддерживал молчанием, которого уже было достаточно. Их даты ухода тоже рядом.

Был ещё один фронтовик Иван Иванищев. «Неудобный». Приезжал к нам из Москвы. Работал мастером в ПТУ. Правдолюб. Стихи злободневные. Всегда в строю. Хороший человек. Очень рано ушёл, сначала от нас, потом совсем. Узнали много позже. Переживали. Было стыдно, что робко защищали. Это была первая утрата в наших рядах.

Очень запомнилось на том занятии впечатление от стихов Владимира Беликова. Высокий слог, было в них что-то пушкинское, возвышенное и красивое. Очень эмоциональные стихи. Он и сам был такой. Выпускник МАИ. Влюблённый в жизнь, очень светлый, душевной щедрости человек. И скромный. Много позже он почему-то стал отдавать предпочтение песне. Случилось, что его тексты, в силу обстоятельств, не нашли своего музыкального подтверждения. Очень жаль. На мой взгляд, именно Владимиру Беликову должна быть благодарна «Ладога», что в трудные для неё времена, уже почти растерявшаяся, когда и занятия не проводились, она не рассеялась.

По одному, по приглашению Беликова её участники вновь стали встречаться в ЛИТО «Орбита» авиационного института на встречах, фестивалях, в других объединениях, чтобы потом собраться вместе снова. Не судите строго. Такое не раз случалось в судьбах многих объединений. Не избежала его и «Ладога». И тут Владимир Беликов сыграл свою организующую роль.

Александр Станишевский. Тоже запомнился сразу. На второй парте. С первых занятий было видно, что у него уже есть опыт не только стихосложения, но и знания теории, которыми он стре-

мился поделиться. Окончил Тимирязевскую академию, работал по специальности, а потом 20 лет службы в погранвойсках на Тихоокеанском побережье. По возрасту на фронт не успел, но вполне боевой офицер. Кроме того, из семьи потомственных учителей. Отличник. Вот это неуёмное просветительство и сидело в нём, укоренясь, прочно и неизбывно. Судя по его воспоминаниям, обида за нереализованность этих своих «педагогических» желаний осталась надолго. Помню, позвонил однажды Юрий Васильевич: «Люди требуют учёбы — разборки стихов. У Вас хорошие стихи. С Вас и начнём». Представила Станишевскому несколько стихотворений. Он разобрал все ошибки, недочёты, достоинства и недостатки, дал пояснения, примеры – подробно на бумаге. (Во время службы проходил школу военных корреспондентов.) А на занятиях выступить ему руководитель не дал. Для меня те записи во многом оказались полезными. Жаль, думаю, и для многих они тогда не были бы лишними. А стихи у Александра всегда пронзительно нежные, образные и родные, иногда, на мой взгляд, чуть наивные. О Лобне и родном Боровске, о природе, которую он хорошо знал и любил, о родных – ярко и самозабвенно. И о маме. Чувство юмора украшает его поэзию.

А вот и Ефим Глухов. Долгожитель. Без сомнения, самородок. Запомнился. Стихи Ефим Николаевич начал писать поздно и теперь сидел за первой партой, внимательно всё впитывал, чему-то учился, но и сам частенько свою, умудрённую жизненным опытом мысль, выдавал. Единственное, чему учиться не желал — стихотворным размерам. «Что мне ямбы и хореи!..» Это позже, когда он стал «брендом» города, когда ему уже исполнилось 100 лет, он звонил в городское Управление культуры и напоминал: «Вы, что, мой день рождения собираетесь отмечать!?» И отмечали. Поздравляли, дарили подарки, вручали медали. Почётный гражданин города. Кажется, 15 книжек издал, по ним теперь можно проследить всю историю города тех лет, все имена. В «Уюте» и сегодня с теплом вспоминают его не очень складные, но такие образные добрые мудрые, гневные и забористые куплеты обо всём и обо всех.

Пётр Николаевич Черняев. Уже тогда известный поэт-песенник. Композиторы А. Новиков, В. Левашов, В. Мурадели, Е. Ро-

дыгин писали музыку к его текстам, которые распевала страна. Удивительного природного дара был человек. Мне кажется, сначала у него глубоко внутри рождалась мелодия, а потом на неё ложились слова. Музыка уже жила в его стихах с самого начала. Считал ли он себя членом «Ладоги»? Думаю, нет. Он, скорее, был её Почётным членом, мэтром. Приходил не часто. Садился сзади v стеночки, чтобы всех видеть. Вёл себя очень скромно, иногда читал свои стихи, негромко, по-доброму, по-отечески давал какие-то советы, пояснения. Помню, организовали тогда городской конкурс на «Гимн» города. По неопытности организаторов, конкурс не удался. Пётр Черняев был единственным в жюри, кто проявил в своих суждениях вкупе: профессионализм, достоинство и главное – честность. Помню, однажды гуляли мы с ним по его родному району Депо. Говорили о поэзии. Таким он мне и запомнился: воодушевлённым, в тёмно-синем костюме. Бордовый жилет, голубоватая рубашка, галстук. Рассказывал о своём Депо с любовью. И вдруг о чём-то: «Меня здесь все знают. Разве я мог поступить иначе? Ведь я — поэт!» Были в нём и духовность, и человеческое достоинство, и чувство ответственности перед людьми за высокое звание Поэта, которое он нёс, каковым он и был.

Галина Петровна Журкина. В когорте Почётных граждан эта её награда тускнеет перед другой заслугой. Сегодня, без преувеличения, она есть Достояние города Лобня. Случилось, что я близко знала трех женщин, воспитанниц детских домов войны. Три разных судьбы. Но есть общее, что объединяет всех трёх: необыкновенная воля к жизни, несгибаемость перед жизненными бедами, трудностями и любовь к людям. Галина Петровна — из тех питомцев. Они генерируют свою энергию и, творя её, заряжают ею окружающих. Великая слава и благодарность тем детским домам, которые в жестокие для страны годы возвращали обездоленным детям детство и напитывали их жизненной силой. А тогда, в 90-ые, она тоже освобождалась — от «зависимости» Ветеранской организации. Создала свою, самостоятельную Женскую организацию и стала творчески руководить, расширяя её сферы. Стихи Журкиной становились всё лучше, увереннее, зазвучали песни. Писала сценарии для «Ладоги». Так стали отмечать блокадные дни Ленинграда. Несмотря на некоторые разногласия с руководителем, в её текстах достойное место отводилось блокаднику Юрию Петрову. Родился прочный блокадный тандем. А Юрий Васильевич посвятил ей строки, лучше и точнее которых сказать невозможно: «Эта женщина — турбина, эта женщина — мотор!» Такой она осталась и сегодня. Её творческий академический коллетив «Кому за 40» хорошо знают в городе. Здоровья и творчества Вам, Галина Петровна!

«Ладога» росла, мужала. Принимала участие в городских мероприятиях. Почти одновременно вышел первый выпуск общего городского поэтического сборника «Под крылом чайки», почему-то с очень похожим, для простого жителя неотличимым от нашего, названием. Авторы «Ладоги» тоже вошли в него, рядом с именами признанных мастеров поэтического слова Ларисы Васильевой, Геннадия Красникова... В первый выпуск — в общем списке, во второй — отдельным блоком ЛИТО. Это было маленькое признание города нас как творческой единицы. Думаю, в том были заслуга и внимание Главы города Сергея Степановича Сокола, много вложившего в развитие культуры Лобни. Нам было интересно жить.

Разве возможно рассказать всё и обо всех...

Время омывает лица Подобно капелькам воды... Как и сестра его, водица, Оставить зримые следы.

.....

И вот тогда предельно ясно И виден весь минувший путь — Что было низко, что — прекрасно, И никого не обмануть.

Виктория Топоногова

А что делала я в то время? Я была «с моим народом». Принимала участие во всех делах «Ладоги». Будучи внештатным корреспондентом радио и газеты «Лобня», писала стихи, заметки и вела авторскую «Литературно-поэтическую страничку Ларисы Токун» на радио. В эфире звучало слово и о «Ладоге», и наши голоса,

а в газете появилась регулярная страница «Созвучие». Каждый год в пушкинский день 6 июня я ездила к памятнику Пушкину, читала там стихи. Много общалась с московскими поэтами, литературными объединениями, принимала участие в различных поэтических конкурсах, фестивалях. Особенно близко - с поэтами Дубны, Дмитрова, Яхромы, участвовала в праздниках этих городов. Эти связи помогли позже организовать нам, студии «Глагол», запомнившиеся большие поэтические праздники на высоком крыльце Дворца Культуры «Чайка» поэтов от Дубны до Москвы. Так называемый «Марафон Пегаса». Мечталось сделать Лобню, благодаря её географическому положению, фестивальной поэтической столицей Савёловской железной дороги. Хотелось общения, больше знать, учиться у других. А тогда, в библиотеке на Красной Поляне организовали первую поэтическую встречу трёх поэтов «Дмитров – Яхрома – Лобня», а потом и мой первый авторский вечер – в клубе «Красная Поляна». Это было счастливое время нашей с Ефимом Николаевичем тесной творческой дружбы с библиотекой, клубом и, пансионатом дневного пребывания «Уют» на Поляне. Приглашали большую группу поэтов московского объединения «Слово», которое я тоже посещала, на встречу с поэтессой Людмилой Ирсетской – уже в центральной библиотеке города. Жаль, наш руководитель на эти встречи, приглашения никак не откликался, даже противостоял.

И всё-таки, всё-таки, разве можно забыть образ красавицы, матери троих детей, молодой поэтессы Елены Соколовой. Думается, её музыкальное образование способствовало рождению стихов, красивых и мелодичных, о любви, о природе.

Кажется, она была единственной, кому руководитель Юрий Петров дал путёвку — рекомендацию в Союз писателей.

Нина Кузнецова. Простые, безыскусные стихи, искренние — о своём, наболевшем. А в жизни очень увлекалась разведением комнатных цветов. Её балкон не однажды занимал первые места в конкурсах своего микрорайона. Конечно, была с нами и серьёзная, всегда занятая и оттого неуловимая на занятиях, Галина Мамонтова. Юрий Васильевич всегда очень весомо и значимо отзывался о ней. Все наши первые выпуски были изданы Николаем Плевако. Непростой по характеру человек, но писатель — мощный

и глубокий, ёмкий, мастерски владеющий русским словом. Благодарная память хранит впечатления тех встреч. Мы все прошли через него. Но вот задержаться, зацепиться смогла только Галина Мамонтова.

Родилась традиция отмечать дни рождения «Ладоги» в гостях у Ефима Глухова на улице Цветочной, 33. К каждой встрече радушный хозяин сбивал длинный стол, скамьи и варил ароматную деревенскую картошку...

Анатолий Можаев. Не могу умолчать о человеке, которого всегда вспоминаю с неизменной теплотой и восхищением. Признаться, какое-то время я не понимала его. Артиллерийское противотанковое училище, служба в армии, юрфак МГУ, работал в правоохранительных органах, Почётный прокурор СССР, ветеранучастник ВОВ. Серьёзный человек Но открытый – удивительно, с баяном, весело, всегда с радостью. Не верилось в искренность. Пока не пришлось нам, случайно встретившись, провести за разговорами — в переполненном вагоне то и дело стоящей в перегонах лобненской электрички – плечом к плечу, часа полтора. О, какой же кладезь ума, доброты, человеческой самоотдачи вдруг открылся и выплеснулся передо мной. И заканчивал он разговор с необычайной любовью и заботой о жене, о внучке, её внучке... Нежность эта искрами разметалась и в его военных стихах-воспоминаниях – к маме, друзьям. Кстати, потом и жена Анатолия Можаева, и Сергея Романова, принёсшая в «Ладогу» стихи после смерти мужа, долгое время посещали занятия объединения, практически став его членами. А мы читали стихи Романова, делали вечер о нём. Долгое время песня о Лобне на его стихи негласно считалась «Гимном» города Лобня.

Был среди нас и ещё один незабываемый. Анатолий Иванов, поэт, художник, философ. Как же внутренне напрягался и переживал Юрий Васильевич при его появлении на занятиях. Мы тоже — предвкушали его эмоциональные выступления с выходом к доске с мелом в руках и доказательством различных теорий и корневого исследования русских слов, неожиданно раскрывающих, а подчас преображающих их устоявшийся для всех смысл. Нет, он не был скандальным, противоречивым. Умный, добрый, интеллигентный. Создал свою «Энциклопедию». Но «неудоб-

ный», мысль будоражащий. Одно слово, философ. Кандидат биологических наук. Летом жил на выселках, летней «даче». Были в семье квартирные проблемы. А на «даче» этой однажды я была с другом его Ефимом Глуховым. Строение из досок в два этажа. На первом – козы, куры, живность всякая... На втором – чистота, светло, выскобленный стол, и аппетитно пахнет душистым домашним борщом. Поразило меня тогда, как совмещалось в этом человеке так близко земное, земляное и высокое? Иногда он приносил на занятия трёхлитровую банку козьего молока и буханку свежего, почти тёплого, чёрного хлеба — и потчевал нас, испытывая от этого большое удовольствие. Я работала в одной школе с его женой. Тоже – химик, биолог, знающий и требовательный учитель. Как-то Людмила Тимофеевна, директор школы № 6, знавшая Ивановых ещё по институту, сказала: «Удивительно красивая была пара. Оба умные, прямые, устремлённые, увлечённые...» На своё столетие, которое отмечалось в театре «Камерная сцена», Ефим Глухов самого близкого друга своего не пригласил. «Как же так?» — спрашиваю. Взгляд опустил, потупил: «ОНИ не хотели. Столы же не я накрывал. Сама понимаешь, кто столы накрывает, тот и музыку заказывает...» К счастью, подобные эпизоды на их отношения не влияли. Слава Богу, встретились они уже в том замечательном возрасте, когда про жизнь оба всё хорошо понимали и принимали... Каждый – по своим понятиям. Один смолоду усвоил житейскую истину: «Против ветру – ни-ни». Потому, наверное, и войну пережил, и свой 100-летний юбилей перешагнул. А другой – перед всеми невзгодами, своими победами и ошибками, за свою честь, за любовь всегда с открытым забралом и прямой спиной... и с большой бородой, в которой, как говорил, жизненная, мужская сила хранится.

Что ещё сказать... Из «Ладоги» я тогда всё же ушла, как бы ни было больно. Расставшись и оставшись со всеми друзьями... Незадолго до кончины Юрия Васильевича позвонила: «Хочу прийти к Вам в гости». Он был искренне, как-то облегчённо, рад. Мне тоже не хотелось, чтобы между нами остались обиды. Много говорили, вспоминали. Жена Юрия Васильевича, как теперь уже видно, одна из тех умных вдов, о которых поэт Николай Доризо сказал: «Мало иметь писателю хорошую жену, надо иметь писа-

телю хорошую вдову», гостеприимно накрыла символический фуршет. На прощание я подарила икону Георгия Победоносца. На стене у дивана по-прежнему висел портрет любимого поэта Сергея Есенина...

Да, Юрий Васильевич Петров мог быть всяким. Но ОН создал объединение «Ладога». И этой чести у него никто не отберёт. Какое значение имеет сегодня, что больше тогда руководило им: любовь к поэзии или страх перед одинокой старостью, страх перед немощью от серьёзной, тогда перенесённой, травмы и полным забвением в конце? Ведь даже членом Союза писателей Юрий Петров тогда не был. И он сделал свой выбор. И повёл свой корабль, и объединил всех этих замечательных людей, издавал сборники... И здесь нельзя отказать ему в мужестве. Руководя 15 лет в нашем городе литературно-поэтической студией «Глагол», теперь я твёрдо это знаю.

Меня попросили написать к 25-летнему юбилею о «Ладоге». Я легкомысленно согласилась. Написать короткое стандартное поздравление-воспоминание не смогла. Да и зачем? Вот что получилось. Имею ли я право? Думаю, да, имею. Это моё ощущение той жизни, которую я прожила вместе с «Ладогой». Я хотела, чтобы люди знали и помнили о «ладожцах» первого призыва. Это маленькая толика в истории культуры города. Из таких скромных, небольших поэтов, маленьких литературных объединений, которые нужны, из бурлящего котла общений и родятся единицы — большие поэты.

На прощании с Юрием Петровым я произнесла слова Уистана Одена, великого английского поэта. Сегодня я посвящаю их первым «ладожцам»:

Время... боготворит язык и прощает Всех, кем он жив: Прощает трусость, тщеславие, Венчает их головы лавром.

Тогда Время возвысилось над ними в своём сиянии, а «Ладога» вновь, как когда-то в военные годы, стала для многих дорогой жизни.

«Nagora» cerogua

Сергей Борисов

Надежда Васильева

Вячеслав Васильев

Галина Дриц

Владимир Зерцалов

Андрей Иванов

Людмила Королёва

Александр Крохин

Галина Мамонтова

Галина Леонтьева

Тамара Малкина

Елена Лешковцева

Светлана Наумова-Чернышова

Анатолий Лешковцев

Александр Петров

Лариса Литвинова

Елена Постоева

Татьяна Чеглова

Галина Сметанина

Евгения Шарова

Евгения Титова

Альбина Янкова

Beebonog Kyzneyob

Ода клочку бумаги

Я за тебя, как за соломинку, В огромном городе держусь. Кому-то, может, и в диковинку, — Когда в ударе нахожусь...

И, что ни день, — творенье новое В пути идёт из-под пера, И жизнь не кажется суровою, Когда такая есть игра.

Похлеще ребусов запутанных, Головоломок всех мастей... Порой не просто, даже муторно, Нам ждать из космоса вестей...

Зато, глядишь, и чудом минули Заторы, давки — мимо нас... Клочок бумаги, ты мне стимулом Служил и служишь в будний час. * * *

Как хорошо, когда земля Покрыта утренним туманом, Когда свободные поля, Простившись с птичьим караваном, Едва успев передохнуть, Хлебам готовят новый путь...

И вот уж озимь зеленеет — Во славу солнечным лучам, О, как приятно солнце греет! Но всё сильнее по ночам Зимы морозное дыханье, И мир, минутами молчанья, Чтит золотое увяданье.

Живут у нас герои-ветераны

(Отрывок из поэмы «РУБЕЖ»)

Всё чаще по ночам тревожат раны, — Чем дальше мы уходим от войны. Всё меньше остаётся ветеранов. Всё больше у солдата седины.

Яснее мы с годами понимаем Всю прелесть предрассветной тишины. Всё чаще мы былое вспоминаем, — Чем дальше мы уходим от войны...

Для ветерана главное — забота: О памяти святой, о молодых. Его девиз — не отдых, а работа — В строю, на рубежах передовых. Нет человека, чтобы прожил даром, Коль человек участвовал в войне. И если ветеран бывает старым, То только лишь с собой наедине...

Он вечно в окруженье молодёжи: То школа ждёт его, то ждёт музей, И по местам боёв проехать должен, И пригласить домой к себе друзей...

А сколько у солдата переписки! — Вот поздравляет старый генерал. А там бойца зачислить надо в списки — Его могилу школьник отыскал...

И, если вы услышать захотите О ратных, боевых его делах, — В нескромности солдата не вините — На смерть он шёл! — за совесть, не за страх.

Но долг велит причислить к ветеранам И тех, кто был на фронте трудовом, Ведь, если не тела, то души в ранах. — Горька и эта повесть о былом...

И кто из них не ждал у военкома, Не рвался, не просился на войну?! Им отвечали формулой знакомой: «А кто работать будет на страну?».

И, может быть, в лицо открыто смерти Глядеть им было легче, а не ждать Листка официального в конверте: «Ваш муж... Ваш сын»... Чего ж тут не понять!..

Я вспомнил танк подбитый, у дороги,, На рубеже смертельного огня. А мы, мальцы, блаженно свесив ноги, Колотим пяткой — как она — броня?

И ползаем по башне и по тракам, Голышки, не стесняясь худобы, Приканчивая палками, со смаком, Чудовищные происки судьбы.

И яро кулачками молотили, Под собственных костей утробный хруст, — Авансом, из эпохи зрелых чувств, — За то, что наше детство раздавили...

...Всё чаще мы былое вспоминаем, — Чем дальше мы уходим от войны. Яснее мы с годами понимаем Всю прелесть предрассветной тишины...

Закрой глаза, — и запахи лесные Тебя погрузят в сладостную дремь... Земля моя, края мои Святые, Пусть одарит вас солнцем новый день!

Наше слово

Глаза, глаза, — окошко в белый свет, — Не удивляю истиной такою. Несчастен тот, кто к жизни глух и слеп. Хотя поэты чувствуют душою...

Да, мы идём на ощупь, как во тьме, Наитию всецело доверяясь... Не знаю я, когда придёт ко мне То СЛОВО, по которому сверяю Свой каждый знак и каждую строку. За всем стоят и мысль моя, и чувства... ИМ — я свои творенья предреку... Зовётся СЛОВО именем — ИСКУССТВО!

Стихи, стихи...

Сижу и жду, — когда наступит утро... Мне душу согревает кофеёк. Вторую кружку заливаю внутрь, Чтобы зажечь желанный огонёк.

Ещё чуть-чуть, — пройдут по телу токи, И всколыхнут запал очередной. И замелькают перед взором строки, И побегут привычной чередой...

Стихи, стихи... Возвышенно и мудро, — Вы нам даны, — как Божья благодать... Не торопись ко мне сегодня, утро, — Мне влохновенье ночь готова лать!

Сергей Борисов

Томится в ожидании Пегас

Молчание на склонах Геликона, Томится в ожидании Пегас: Поэзия красивого фасона, — Слова, преображающие нас.

Сказителя влечёт неодолимо Божественное нечто на крыло. Ведь истина всегда неуловима, — Законам притяжения назло.

Реальность — наша бренная дорога, Волнующих иллюзий толчея. Поэзия — провидение Бога, — Таинственная сущность бытия.

Звучит потустороннее пространство, И грезит идеалом красоты. И скромности богатое убранство, — В мозаике сложившейся мечты.

И магия, таящаяся в звуках, В заботливом уходе хороша! Рождается в стенаниях и муках, Поэзии бессмертная душа.

Блистают ослепительные звёзды, Томится в ожидании Пегас: Волнительные, трепетные слёзы, — Слова, преображающие нас.

Словом Божьим крещёная Русь

По обочине вьётся тропинка И скрывается где-то вдали. У развилок ты просто — морщинка На израненном лике Земли.

Пахнет поле ромашкой и мёдом, Так и хочется здесь прикорнуть. И судьба, проходя мимоходом, Мне берёзкой склонится на грудь.

Многоцветием ярким волнуя, Буйством красок твори, не жалей. Пусть украсит, все беды минуя, Изумрудная зелень полей.

Много в жизни я сделал ошибок, Очень жаль, что исправить нельзя... Этот мир так циничен и зыбок, Не всегда лыком в строку — стезя.

А так хочется в это поверить, Что к России привязан душой, Ведь аршином тебя не измерить — Значит, рук не связать бечевой.

В отражённом сиянии света Благочинна счастливая новь. Безмятежные грёзы поэта — Соболиная чёрная бровь.

Вдохновенны вишнёвые дали, Что таят неизбывную грусть... Я хочу, чтоб тебя уважали, Словом Божьим крещёная Русь.

Краснополянский батальон

На ратном поле грозной сечи Огонь свечи качает мрак. Россия-мать склонила плечи — Здесь дышит каждый буерак.

Тоскуют трепетно берёзы, Слагают ритмы звонари. Не осущить людские слёзы... Парней тех было тридцать три.

Ещё мальчишками призвались И не вернулись с той войны. Но, умирая, не сдавались Отчизны верные сыны.

Они ушли, всех нас спасая... И пусть всегда звучит набат, Святую память возрождая — Тот подвиг молодых ребят.

Пусть время жизни быстротечно Под колокольный перезвон: Он в нашей памяти навечно — Краснополянский батальон.

Когда огонь свечи в зените, На небе звёзды, словно копь: Взметаются над бездной нити — Души бестрепетная скорбь.

Они идут сомкнутым строем, Им машет веткою сирень... Достойны звания героев Мальчишки с наших деревень.

Вас помнит Красная Поляна. И смотрят в небо тополя... Благословенна, покаянна — Здесь плачет Мать-сыра-земля.

Стихотворения публикуются в авторской редакции.

Надежда Васильева

Ручей

Прозрачный тоненький ручей Сквозь льды безмолвия пробился. По доброй памяти моей Он вдаль куда-то устремился. Влечёт ручей тот за собой Меня в неведомые дали, Где сердце плещет чистотой, С души смывая все печали. Благослови, судьба, ручей, Пусть он по-прежнему струится, Не раз из прошлых, детских дней Предложит мне воды напиться.

Печёная картошка

Печёная картошка
И аромат костра.
И нужно мне немножко,
Чтобы вернуть «вчера».
Примерить вновь беспечность,
Мечту свою вернуть.
Людей, ушедших в вечность,
Молитвой помянуть.
Как руки обжигает
Картошка память мне.
И время возвращает,
Гле счастлива вполне.

Оптимистическое

Давайте будем восхищаться, Улыбки светлые даря. Не нужно грусти предаваться, Ведь жизнь придумана не зря. И если в дверь метель стучится, Верь, что наступит и весна, Мир вешним светом озарится, Мечта проснётся ото сна. Давайте, право, восхищаться Обычным самым зимним днём, Когда снежинки закружатся, Искрясь под солнечным лучом. Давайте не жалеть улыбок, И, может быть, тогда поймём, Что мир не только хмур и зыбок, Но есть и свет, и радость в нём!

Бессонница

В окно моё робко стучится И машет тревожно крылом Бессонница — чёрная птица И просится, просится в дом. О грустном всю ночь напевает И сон мой, как зёрна, клюёт. Тревогой меня обжигает И выйти из дома зовёт. Вот снова в окошко стучится, Кричит и смеётся во тьме. Бессонница — чёрная птица Заходит частенько ко мне.

Прощальный вальс

В неспешном вальсе листопада, Под песню сладкую дождей Кружила осень виновато Мечту о юности своей.

Теплом хрустальным улыбалась, Боялась что-то не успеть, В окошко каждое стучалась, Дарила золото и медь.

Но время шло, она старела. Теряла блеск и красоту. И платье серое надела, Забвенью предала мечту.

Уже не будет листопада, Но всё-таки он был для нас, Он — милой осени награда — Прощальный вальс.

Barecnab Bacunveb

Предчувствие весны

Весна приходит каждый год. Мы ждём её нетерпеливо. Природа вновь живёт, цветёт И рвётся к солнцу торопливо. И улыбается оно, Весну приветствуя лучами, И смотрит в каждое окно Своими яркими глазами. Всё просыпается весной — Цветочки нежные и травы. Бегут ручьи передо мной С дощечками для переправы. Пока на дереве листвы Ещё не видно, только почки. Но присмотритесь лучше вы, Какие славные денёчки!

Бабушкина молитва

Читала бабушка молитву, А я запоминал слова. Она душой своей открытой Дарила праздник Рождества.

Стояла долго на коленях, Пред образом клала поклон... Взывала к Богу в те мгновенья — Здоровье чтобы дал мне он.

Теперь, когда её нет рядом, Молитвы слышу я слова — Ищу её невольно взглядом, Как будто бабушка жива.

Ожидание

«Разлетелись по гнёздышкам птички, Обрели и любовь и семью. И увозят их в даль электрички. Я одна на пороге стою. У почтового ящика встану, Начинаю газеты трясти. Писем ждать от детей не устану, Ведь должны же мне их принести!»

Лишь тревожную ей телеграмму
Не спешите, сыны, присылать.
Не забудьте, пожалуйста, маму,
Ведь ей трудно так долго вас ждать.
Пусть слетятся вновь в гнёздышко птички
Под крыло своей мамы родной.
Поспешите скорей, электрички,
И птенцов ей верните домой!

Талина Ориц

Россия, милая Россия!

Россия, милая Россия, Всегда ты сердцу дорога! На свете нет тебя красивей, Когда весной в цветах луга.

Конечно, хороша ты летом: Природа радует теплом, Надолго им земля согрета. Ждут лето город и село.

К лицу и осень золотая — Раскошен праздничный наряд. А солнце, нежно мир лаская, Лучами твой задержит взгляд.

Зимою тоже ты прекрасна: В снега укутана земля. Мороз старается напрасно — В тепле спокойно спят поля.

Всегда, в любое время года, Ты сердцу моему близка. И под защитой небосвода Тебе, Россия, жить века!

Память жива

Юрию Васильевичу Петрову

Десять лет прошло, как с нами Юрия Петрова нет, Но душевными стихами На Земле оставлен след.

Помним все мы, не забыли Чуткость — главную черту: С ним в поэзию входили, Слов постигнув красоту...

Дальше, по дороге жизни, С нами рядом всюду он. За заслуги — от Отчизны, А за помощь — наш поклон!

День города

День города празднует Лобня, На улицах флаги висят. Гуляют все люди сегодня, Надев покрасивей наряд.

Свой отдых они заслужили, Трудились немало весь год. А город за то полюбили, Что жизнь здесь спокойно идёт.

Привычно Москва зазывает, Но Лобня роднее для нас. Она, словно сад, расцветает И радует зеленью глаз. И пусть городок наш на карте В России не каждый найдёт. Вы, лобненцы, город свой славьте. Талантами он прослывёт!

Жду тебя

Ах, как хочется влюбиться, И особенно — весной! Чей-то образ часто снится, Видно то — избранник мой.

Где ты, на него похожий? Жду тебя я столько лет! Может, ищешь меня тоже, Ну, а может быть, и нет.

Еле теплится надежда, Но пока ещё жива. Если не случилось прежде, Значит, верные слова:

Мол, назначено судьбою, Что всему всегда свой срок... Только грустно мне порою: Ты прийти ведь раньше мог.

У моря

Завораживает море, Оторвать не в силах глаз. Вот опять приеду вскоре Я сюда в который раз.

Буду неустанно слушать, Как неистовый прибой Берег силится разрушить Набегающей волной.

И откуда столько силы Всё берётся у воды? А когда вдруг заштормило — Можно ожидать беды.

Но бывает и затишье. Серебрится моря гладь, Крики чаек только слышно, Ах, какая благодать!

Так завидуешь порою Тем, кто здесь всегда живёт... Но, увы, привыкнув к морю, Красоту не чтит народ.

Где ты был?

Ты пришёл, но слишком поздно. Я устала ждать тебя И другого ночью звёздной Целовала не любя.

Где ты был? Наверно, тоже С кем-то ночи проводил? А теперь у нас, похоже, Не осталось больше сил.

Ты и я могли быть вместе, Рядом под руку идти. Жизнь бы стала интересней, Но не встретились пути.

Разошлись, увы, дороги. Так, наверно, суждено, И случается у многих: Счастье вель не всем дано.

Владимир Зерцалов

* * *

Зимою меня не заставишь Из дома отправиться в путь, На поезде в Пензу, Воронеж, И даже Кавказ — отдохнуть.

Меня подмосковные зимы Удержат. Своею тоской Я, к сердцу прижавшись России, Всегла нахолил злесь покой.

Зимою метаться не в силах Душа нараспашку, звеня Стихами о родине милой, В снегах приютившей меня.

В объятьях лесов, где снежинки И те замирают летя, На лыжах пройду без ошибки, Свой путь по приметам ведя.

Найду потаённые тропки, Шалашик в еловом лесу. Сняв лыжи, хозяйской походкой Я хворост к костру принесу.

Украшенный снежным убором Задумался лес о былом, И песня костра очень скоро Наполнит всю душу теплом.

Отзвук

Тронул ветер лесную струну, Задрожала она за ветвями, Звёздной ночью никак не засну. Слышу, песня летит над полями, Над лесами, лугами, домами, Чуть касаясь живыми крылами... Сердце дрогнуло. Очень знакома Эта песня. Её кто-то пел Под гитару у старого дома. Я тогда был мальчишка-пострел. И пускай мне совсем непонятен Был воздушный, зовущий мотив, Шелест в танце вечернего платья Первых чувств теплоту пробудил И оставил в душе отзвук дальний, То призывный, то горько прощальный, И теперь он приходит ко мне Нежным трепетом листьев в окне.

В музее Красной Поляны города Лобня

В музее на Красной Поляне Сегодня собрался народ, И в залах старинного зданья Экскурсия наша пройдёт.

1

Музеи — в историю двери, Собрание старых вещей: Портреты, награды, трофеи — От неравнодушных людей.

Припомнятся нам ветераны И прошлой войны, и труда,

Как женщины Красной Поляны Спасали детей от врага.

Стояли неделю в подвале, Стояли, не сесть, в полный рост, А немцы вверху распевали Захватчика песню про Ost.

2

В музее ещё показали (Старушка дала экспонат), Как немцы по фото попали, Спеша разрядить автомат.

Не ради забавы, а верно Стреляли поверх головы, Чтоб страхом унизить прицельным Людей, что стоят у стены.

Фашисты, ограбив полмира, Искали поживу и тут, Не знали, что в скромных квартирах Богатства они не найдут.

3

На Красной Поляне победа — Начало разгрома врага. В атаку бойцов до рассвета Повёл знаменосец полка.

И в Ставку ушло донесенье: «...Поляна освобождена...». Тогда в декабре в наступленье Пехота на лыжах пошла.

В музее развешаны планы Защиты Москвы и страны, С портретов глядят ветераны, Прошедшие ужас войны.

Представил отца в сорок первом В том страшном военном году, Как он новобранцем из первых Отсюда прошел всю войну...

Музеи — в историю двери, Открыты всегда для гостей. Хранители памяти, веры Ждут неравнодушных людей.

Андрей Иванов

* * *

Писать стихи — тут надобно уменье! Но если муза путь ко мне нашла, Возьму перо, отброшу все сомненья, Но только рифма чтоб не подвела.

Пусть словно вальс мой стих по ритму будет, В тональности, конечно, до-мажор. И пусть в душе всё лучшее разбудит Мой стихотворно-трогательный вздор.

Пусть в нашей жизни будет всё отрадно! Ведь скоро в гости к нам придёт весна, Пробившись буйством красок многогранно. Пробудится природа ото сна.

* * *

Люблю с собакой погулять, Когда ещё совсем темно, Когда хотят все люди спать, В моей душе от рифм светло.

Какую форму обретут: Отрывки, фразы и слова? В строке они себя найдут, Рассвет забрезжит лишь едва...

Тонка та призрачная грань, И мимолётен тот порыв, Как-будто чья-то сверху длань, Сознанья чакры приоткрыв,

Пытаясь что-то подсказать И смыслы в строчки превратить, Вновь заставляет нас писать, Чтоб жить, дышать и вновь любить.

Но в суете обычных дней Мы забываем об одном, Чтоб становиться посильней, Делиться надобно теплом.

Дарите людям доброту, Её не требуя взамен. Дарите людям теплоту, И станет день благословен! * * *

Возможно, Вы когда-то замечали, Как с возрастом меняются шаги. Немного осторожные в начале, Потом они становятся легки.

Когда мы входим в юность, созревая, То от любви срываемся на бег. Живём, увы, совсем не замечая, Как скоротечен нашей жизни век.

Вот молодость и в зрелость обратилась — Становится степенным, гордым шаг. Оглянемся, а может всё приснилось? Так быстро годы пролетели как?

Детишки смело в мир большой вбегают. Всё тише шаг у наших мам и пап... Живём, порой совсем не замечая Смещения с этапа на этап.

Конечно, сложно осознать всё это И за шагами пристально следить. Достаточно быть просто человеком, С другими и с собой в согласьи жить!

Λιος πιλα Κορολέβα

Город и деревня — словно полюсы...

Город и деревня — словно полюсы... От природы девственной вдали, Скученно и душно в мегаполисах — Этих муравейниках Земли.

А в деревне, видно, неприкаянно... Никаких в деревне перспектив! И глядит окошками отчаянно, Жителей покорно отпустив.

А окрест луга, природа дивная, И прозрачно донышко реки... Дай-то Бог, когда неперспективные Живы на деревне старики...

Муравейник... потеряться личности Так легко в толпе и суете. Может быть, достигнувши критичности И однажды подойдя к черте —

Устремимся мы к другому полюсу, И в деревне жизнь забьёт ключом! ...Хорошо бродить тропинкой по лесу И мечтать, и верить горячо!

И пусть не тройка, а лошадок пара...

И пусть не тройка, а лошадок пара Да сани лёгкие, пушистый снег... Восторг, полёт, зимы чудесной чары, Тулуп и валенки, овчинный мех —

Тепло, уютно, по-крестьянски просто! В санях солома, кнут в руке отца. Снежок в лицо! Полозья режут остро Раздолье зимнее, и нет ему конца.

Душа летит, поёт и зиму славит, Счастливый миг и радость бытия! ...Так живо всё в душе, как будто в яви, И вновь лечу в санях из детства я!

К 75-летию битвы под Москвой

Пусть война — история уже, Вспоминаем мы в святые даты, Что на этом самом рубеже, На последнем — шли бои когда-то.

До кремлёвских стен — рукой подать. Луговая, Красная Поляна, Лобня... Дальше — ни на пядь Не пройти фашистам окаянным!

Через боль, отчаянье и кровь От Москвы фашиста гнали в шею. Заросли травой зелёной вновь Наши легендарные траншеи.

Память только — нет, не заросла, Мы героям кланяемся низко! И живым гвоздикам — несть числа, Что несём к подножью обелиска.

...Это был победный первый шаг. Боль утрат и горечь поражений, Беспримерность подвигов, сражений — Впереди ещё... А в завершенье — Над Рейхстагом наш победный флаг!

Грусть осеннего разлива...

Грусть осеннего разлива, Как ты трепетно красива Рыжей солнечной листвою, Дрёмой, лаской и покоем, Тихим шорохом, круженьем, Лёгкостью изнеможенья... Все тревоги и сомненья, Суета, тщета людская, Поднимайтесь к птичьим стаям, Улетайте, отпускаю!

Летят снежинки

Летят снежинки — земное чудо, В покрове белом земля светла. Совсем недавно — поверить трудно — Такой зелёной она была!

Как непреложен закон природы! Сезон сменяет другой сезон... Вот так в сезоны свивает годы И жизни нашей простой закон.

Как ни противься, и как ни сетуй — Нам не нарушить извечный строй. Неслышно в осень уходит лето, А там — и белых снежинок рой...

Летят снежинки — земное чудо, В покрове белом земля светла. Совсем недавно — поверить трудно — Такой зелёной она была...

Малая родина

Время быстрой летит колесницею, Дней опавшей листвою шуршит. Моя малая родина снится мне, Сон мой светлою грустью прошит.

Там поля с перелесками редкими, Степь, полынь, лики белые хат. Там далёкими, близкими предками Уголок на погосте богат.

Как мне дорог клочок этот маленький, С повиликою и ковылём, С васильками и дикою мальвою, Зарастающий тихо быльём!

Здесь всегда мысль безумная вертится — Голос крови, наверно, силён: Окунуться б в далёкое, встретиться, Заплутав в лабиринтах времён...

Далеко моя родина малая, Но с годами лишь ближе, родней. Как давно не была у начала я Своего, своих милых корней...

Эта бездонная синь...

Эта бездонная синь...
Летняя тихая дрёма...
Взглядом неспешно окинь — Всё так привычно, знакомо.
Леса опушка и луг,
Травы в июньской истоме...
Только подумаешь вдруг —

Что окружает нас, кроме Мира, привычного нам, Зренью доступного мира? Волн бесконечных полна Вся необъятность эфира, Тонких полей и миров, Может быть, душ бестелесных, Тайн, предсказаний и снов, Сущностей, нам неизвестных? ...Бездна, гипноз синевы... Мир необъятный, бескрайний, Непостижимый, увы, Полный волнующей тайны...

Александр Крохин

Полёт на Южный полюс

В Центре Антуана де Сент-Экзюпери состоялась встреча с замечательным человеком, генерал-лейтенантом авиации, человеком, который достиг и Северного, и Южного полюсов на своём вертолёте «МИ-8». Легендарная личность! Николай Фёдорович Гаврилов — Герой России, начальник Управления авиации Федеральной службы безопасности РФ.

С 1979 по 1987 гг. участвовал в боевых действиях в Афганистане. Авиация Пограничных войск наносила удары по базам душманов и прикрывала действия советских войск в приграничных районах Афганистана. Однако, поскольку при этом вертолётчики Пограничных войск летали с аэродромов на советской территории, то они официально считались проходящими службу на территории СССР. Поэтому Николаю Гаврилову выпало воевать в Афганистане целых 7 лет, совершив более 2000 боевых вылетов. Летал на вертолётах Ми-8, Ми-24, Ми-26.

Потом была Чечня, Осетия и ещё длинный список «горячих точек» и войн. Он 14 раз летал в горячие точки на вертолёте вместе с Президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным.

За проявленный героизм при выполнении специального задания Указом Президента РФ Николаю Фёдоровичу Гаврилову в 2002 году присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда».

Николай Гаврилов в рамках лётно-тактического учения авиации ФСБ России доставил на самую высокую гору России Эльбрус (5642м) генерала армии Николая Патрушева вместе с сотрудниками Центра специального назначения.

Жизнь этого человека вместила столько удивительного, невероятного, а подчас и просто невозможного. С детства, в сказках мы читали о былинных богатырях, витязях, и здесь вдруг понимаешь, что такие люди реальны. Вот, рядом с тобой сидит человек, к нему можно подойти, поговорить, задать любые вопросы.

Вечер начался! Николай Фёдорович рассказал, не утаивая ни малейших деталей, как совершалась экспедиция в Антарктиду на вертолёте, какие трудности встречались им на пути. Антарктида — это не относительно ровный Северный полюс. Горы там достигают 5300 метров: «Здесь присутствует генерал-майор Соболев Андрей Николаевич, мой заместитель по лётной подготовке и участник этой экспедиции».

Первым посадочным пунктом в Антарктиде была международная станция «Беллинсгаузен». Вот какие впечатления были у экипажей вертолётов: «Впервые выполнив вертолётный перелёт из Южной Америки на станцию «Беллинсгаузен», мы увидели воодушевлённые лица и счастливые глаза наших 18 полярников. Они с гордостью поглядывали на корейцев, японцев, чилийцев, всем своим видом показывая: наши прилетели! А межконтинентальный перелёт из Южной Америки в Антарктиду через пролив Дрейка — тем более туда и обратно — на вертолётах никто никогда не выполнял».

Далее был показан 45-минутный фильм о полёте в Антарктиду и обратно, а Николай Фёдорович подробно комментировал особенности и смертельные опасности этого легендарного полёта. В основном, комментарии были обращены к молодым лётчикам, чтобы они не повторяли его ошибок.

На самом Южном полюсе находится американская станция «Амундсен-Скотт». Когда связались со станцией, то даже опытные полярники не поверили своим ушам, услышав наше радиособщение. «Войдя в зону радиослышимости, мы на английском языке поприветствовали американских коллег. Сказали, что мы — экспедиция из России, имеем честь к вам прилететь на двух вертолётах. Они — давай переспрашивать: кто, куда, да зачем... Американцы замолчали на пять минут... Видимо, «переваривали» информацию, решали, не шутит ли кто в эфире!», — вспоминает Н. Ф. Гаврилов.

Южный полюс. Высота 3150 м, температура минус 26° С. Американские полярники встретили экспедицию хорошо, была очень доброжелательная атмосфера. Николай Фёдорович трижды был на Северном полюсе. У полярников есть такая шутливая примета: «Кто подержится за символическую ось вращения, ему прощают-

ся все грехи». Когда он объявил об этом на СП, немцы, поляки, французы и русские бросились подержаться за ось — на всякий случай, от греха подальше!

Очень много переживаний доставил обратный полёт на Южноамериканский Континент:

«Вначале ещё было ничего, а во второй половине пути появился встречный ветер, более 100 км/час. Мы практически «висели» на одном месте и считали топливо... Страшно! Впервые, пожалуй, после «горячих точек» я осознавал: могу погибнуть. И ладно бы — один, но ведь два экипажа...», — признаётся Николай Гаврилов.

Был момент, когда фактически вертолёты уже падали в море — когда ветер достиг 180 километров в час. При скорости вертолёта 200 км/час реальная путевая скорость составляла всего 20 км/час. Истекал уже восьмой час полёта, топливо было на исходе, а тут ещё ухудшилась видимость, начался дождь.

Неординарное, но единственно верное решение — выйти за облака до высоты в 5 тысяч метров. За счёт высоты надо было вырвать у смерти ещё несколько минут жизни. К счастью, на этом этапе полёта топливо было уже почти выработано, вертолёты стали лёгкими. А на высоте экипажи вертолётов ждал штиль! Путевая скорость увеличилась до нормальной, и участники экспедиции благополучно достигли чилийского аэродрома.

После приземления Николай Фёдорович поцеловал левый блистер вертолёта. «В знак благодарности, что машина нас не подвела», — рассказал он.

После фильма многие выразили желание высказать Николаю Фёдоровичу искренние слова благодарности и уважения.

Гроза

Гроза уже многие десятки лет является объектом моей памяти, внимания и размышлений. Большинство людей испытывают страх во время грозы. Неистовство природы всегда пугало и восхищало человека своей колоссальной неконтролируемой силой и дикой красотой. Древние народы всего мира обожествляли такое величественное и пугающее явление, как гроза. Во всех

стадиях язычества у народностей есть свои боги-громовержцы — покровители ветров и раскатов грома. Славяне имели сразу несколько покровителей: Перуна, Стрибога и прочих богов. Предки наши верили, что молнии — это стрелы Бога Перуна, которые он выпускает из золотого лука, наказывая демонов. Изображения богов, вырезанные из дерева или камня, были поистине пугающими и характеризовали панический страх людей прошлого перед силами природы. Грозы нередко бывают причиной пожаров и гибели людей от прямого попадания молний.

Описания буйства стихии читаем в таких известных литературных произведениях как «Гроза» А. Н. Островского, одноимённом творении В. В. Набокова. Тематика грозовых явлений затронута в стихах Ф. И. Тютчева — «Весенняя гроза», «Весна», «Весенние воды», «Нет, моего к тебе пристрастья я скрыть не в силах, мать-Земля», А. А. Фета — «Всю ночь гремел овраг соседний», М. Ю. Лермонтова — «Гроза» и А. С. Пушкина — «Я помню море пред грозою», «Евгений Онегин».

Не обошли вниманием эту тему художники. В картине И.И. Шишкина «Перед грозой» прекрасно передана атмосфера густой духоты перед грозой, а в картине В.Е. Маковского «Дети бегут от грозы», сразу чувствуется надвигающаяся опасность, девочка с мальчиком на спине стараются быстрее добраться до дома. Почти все известные художники посвящали свои произведения этой поистине грозной природной силе.

Удивительное явление опасно, прежде всего, тем, что оно непредсказуемо. Если синоптики с некоей долей вероятности и могут дать прогноз о возникновении грозового фронта, то определить даже приблизительно, в какое место придется удар молнии, даже на современном этапе, совершенно невозможно.

Окружающий мир — это книга природы, природы единой во всех её проявлениях. По форме облаков, цвету неба, характеру ветра и тысяче других деталей опытный наблюдатель без труда узнает и спрогнозирует погоду на ближайшие несколько часов и даже дней, причём с очень высокой степенью достоверности.

Животные, птицы, насекомые и растения прекрасно чувствуют малейшие изменения природных явлений и начинают вести себя по-другому. Почти все растения, которые произрастают ря-

дом с нами, могут предсказать на ближайшее время какая будет погода. Например, будет дождь — если одуванчик сжимает свой шар в кисточку, вьюнок закрывает свой венчик, а фиалка сожмёт стебелёк, цветки жимолости начинают издавать очень сильный аромат, поэтому облепляются насекомыми. Обязательно будет дождь, если цветок мокрицы не хочет подниматься в течение двух часов после рассвета. Предсказывают ненастье ива и клён. Примерно за несколько часов до дождя эти деревья «плачут» — выделяют из листьев излишнюю влагу. Воздух перенасыщен тёплыми влажными парами, ощущается духота.

Если кузнечики и цикады замолкают, стрекозы летают нервно, скачками, комары и оводы кусаются намного злее, чем обычно, птицы нахохлены, зяблики прекращают петь, и начинают часто повторять своё «рюм-рюм-рюм», воробьи, искупавшись в пыли, летят искать укрытия — точно к дождю. Ласточки и стрижи, встревоженные чем-то, с криком начинают стремительно летать низко, над самой землей. Птичий гомон резко замолкает. В воздухе повисает таинственная настороженность.

Надо знать, что за одну секунду громовой звук проходит примерно 350 метров в секунду. То есть, чем больше секунд между молнией и звуковым грохотом, тем дальше от нас эпицентр грозы. Это значит, что ещё есть какое-то время, чтобы найти приемлемое убежище.

Дважды приходилось видеть, как молния попадала в основания вековых дубов и легко ломала толстенные стволы, видимо, в сочетании с образовавшимся взрывом. Ещё дважды наблюдал ту же картину, но уже с высокими елями. Самое интересное то, что деревья падали, не принося почти никакого ущерба людям, зданиям, проводам и участкам. Мой автомобиль стоял за воротами дачи, у дороги. Начиналась гроза и я решил перегнать машину внутрь двора.

Я стоял на крыльце домика и с интересом наблюдал за непрерывными вспышками молний, с последующими громовыми тресками и продолжительными раскатами. Перевёл взгляд на высоченную одиночную ель, растущую на соседнем участке, через дорогу. Я с давних пор полагал, что это дерево может принести большие неприятности, как соседскому дому, так и моему участку.

Ударила молния и тут же возникший вихрь скрутил эту ель, как спичку, обломил ствол на расстоянии примерно два метра от земли и со всего маха обрушил дерево на линию электропередач. Затем от проводов дерево подскочило опять вверх и назад и с грохотом упало как раз на то место, где несколько минут назад стоял мой автомобиль.

Обрыв некоторых проводов, сопровождавшийся фейерверком искр, произошёл почему-то не на этом, а на соседнем пролёте между столбами. К счастью, мои ворота и забор остались целы. Только верхние еловые лапы с шишками, обрезанные острым верхом металлических ворот, валялись около машины. Калитку открыть наружу не могли, пока соседи не спилили бензопилой ствол и ветки.

С детства, наученный горьким опытом, я знаю, что нельзя находиться возле костра во время грозы. Прогретый воздух лучше привлекает молнию. Однажды гроза застала меня в лесу на просеке, вдоль которой проходила высоковольтная линия. Я шёл параллельно линии, в сторону посёлка Озерецкое по тропинке, петлявшей по краю леса, а над головой держал раскрытый зонтик. Вдруг, в какой-то момент, ощутил сильный удар электрическим током в руку. Быстро понял, что надо убрать большой палец, упирающийся в металлическую трубку зонта, на пластмассовую ручку и постарался отойти подальше от просеки. Избежал тяжёлых последствий вероятно потому, что на ногах были резиновые сапоги.

Не знаю почему, но грозу с причудливыми разветвлениями молний и с сильнейшими продолжительными раскатами грома я люблю. Как только после небольшого затишья деревья начинают сильно шуметь листьями и всеми ветвями, поднимается ветер, начинают крутиться прошлогодняя листва, мелкий мусор и непонятно откуда-то появившиеся обрывки бумаг. Шквальный ветер изменяет направление, движется по кругу. Температура воздуха в течение нескольких минут может снизиться на несколько градусов, а вдали то и дело вспыхивают светом тёмные облака и доносятся пока ещё слабые раскаты грома, так как звуковая волна поглощается различными препятствиями на земле. Иногда, вновь отражаясь от облаков, звук в конце раската усиливался.

Где бы я не находился: дома, на даче, на природе, непосредственно перед грозой меня всегда охватывает всё нарастающее возбуждение, наверное, благодаря повышению в воздухе концентрации отрицательно заряженных аэроионов и озона. Чем выше концентрация лёгких отрицательных аэроионов, тем чище воздух. Может быть, возбуждение связано с тем, что в это время подсознание выталкивает на поверхность сознания следы из памяти о перенесённой в детстве грозе?

Через несколько минут начинают падать крупные капли дождя, быстро переходящие в сильный ливень. Средь белого дня наступают сумерки. Несмотря на все опубликованные инструкции по поведению человека во время грозы я многое нарушал. Единственное, что выполнялось — отключал все электробытовые приборы, в том числе телевизор и мобильный телефон.

В самый пик грозы выхожу на крыльцо дачи, или на веранду квартиры и с величайшим удовольствием полной грудью вдыхаю наполняемый озоном воздух. Тяжёлые ионы меняют знак с положительного на отрицательный под влиянием электрических разрядов и переходят в категорию лёгких.

Время от времени вспыхивают молнии, и не сразу заранее угадаешь, с какой стороны яркая извилистая вспышка появится и в какую точку на землю направится её мощная энергия. Нагретый разрядом воздух, по законам физики, имеет свойство расширяться. Необычно быстрое расширение воздуха представляет собой взрыв, хорошо известный нам под названием гром.

Иногда, громыхнёт так, что, кажется, весь мир затрещал и раскололся на мелкие кусочки, а под ногами земля содрогается. Многократное отражение звуковой волны от Земли, облаков, сопровождается многократным, пришедшим с разных сторон эхом. А ливень то утихает, значит над нами проходит центр грозового облака, где очень мощные восходящие потоки задерживают падающие струи воды, то снова усиливается, вызывая новый стон деревьев и усиливая общий шум за счёт ударов сплошного дождя о металлическую крышу и отливы подоконников.

Возникает полное ощущение того, что непрерывный поток с небес, то затихающий, то набирающий силу, смывает с души, тела и с окружающей природы весь накопившийся негатив

и сжигает его небесным огнём. Остаются лишь радость и чистота человеческой души. Своеобразный запах после грозы создаёт образующийся озон, трёхатомный кислород, обладающий уникальными бактерицидными и дезинфицирующими свойствами. Становится легче дышать, появляются новые силы, и проясняется сознание.

При грозовом разряде образуется волшебный компонент, который производит сильный тонизирующий эффект. То же ощущение можно получить в электронасыщенных многовековых хвойных лесах. Это волшебство, так облегчающее дыхание, называют в разных теориях по-разному (Прана, Кундалини, энергия Ци и т.д.).

После грозы деревья, кустарники и травы предстают яркими обновлёнными красками, омытыми от накопившего слоя пыли. Природа вновь оживает. Воздух стал прозрачным и чистым. С новой силой раздаются радостные птичьи голоса, начинают стрекотать кузнечики, раскрываются бутоны различных цветов, а лягушки, недовольные вновь появившимся солнцем, уныло запрыгнули в свои водоёмы. За время грозы весь организм наполняется такой живительной энергией, что хочется немедленно куда-то бежать и творить что-то хорошее, доброе и вечное.

Ταλυκα Λεοκίπωε βα

Один военный эпизод

И речушка невелика, и не очень она глубокая, но болотисты берега, что густой поросли осокою.

Танкам точно не подойти: вмиг увязнут, и — ждите выстрела... В три — атака. Час без пяти... Время есть на решенье быстрое.

Дальний — вражеский — берег крут, брод пристрелян, — попробуй сунуться. Ждут фашисты атаку, ждут, есть комбату, о чём задуматься.

Думай, выход ищи, комбат: малой кровью бы, — силы слабые. Звёзды ярко в ночи горят. Бой — любой — не поход за славою...

Коростель у реки затих. Напряженье — струной звенящею. Как побольше сберечь своих? мысль крадётся равниной спящею.

А под утро повис туман, молоком забелил окрестности... Бой ты выиграл, капитан, несмотря на открытость местности.

Даже раненые не в счёт: живы все, и врага подвинули! А река, знай себе, течёт, и рассвет встаёт над равниною...

* * *

Кто сказал, что чудес не бывает, что война — это только беда?! На войне не всегда убивают, там встречают любовь иногда.

Да, такую, что смерти сильнее, что спасает, судьбе вопреки!.. Никогда не была на войне я, но я с вами, фронтовики!

* * *

Не желаю лучшей доли! Слава богу, всё имею: лес, и радугу над полем, и зарю, что пламенеет,

шумный ливень, сумрак спящий, лист осенний разноцветный, пульс мелодии летящей, и счастливый взгляд ответный,

тайну строчек, звёзд мерцанье, радость школьной круговерти, новой книги ожиданье, мысли обо всём на свете,

зиму в праздничном убранстве — с Рождеством и Новым годом, парус в море, ветер странствий, ощущение свободы,

сад, и рошу, и дорогу — к дому отчему добраться... Всё со мною, слава богу. Есть ли большее богатство!?

В день рождения «Ладоги»

Гремит гроза, и это — не игрушки, попробуй в дождик высидеть в саду. Так много с вами связано, Катюшки, я даже в непогоду к вам приду.

Намокший стол под старою сосною, до солнышка закрытое окно... Охватит сердце тёплою волною, и вспомнится, ушедшее давно:

стихи, гитара, чай с мелиссой в кружке и Юрия Васильевича взгляд... Так много с вами связано, Катюшки, — всего: и обретений, и утрат!

Вам, ветераны битвы за Москву

Ты знаешь, внучка, нам и не представить, как в сорок первом было трудно им. Пусть в нас живёт немеркнущая память и благодарность людям дорогим.

...Враг шёл к Москве, и это было страшно, земля горела, падал чёрный снег. Сходились с фрицем в схватке рукопашной и танков останавливали бег.

Вторжение, нашествие, жестокость... А вы держались — из последних сил... «Москва за нами!» — придавало стойкость тем, кто тогда врага не пропустил.

Фронт был вот здесь, где город Лобня ныне, отсюда до Москвы — рукой достать. Ещё никто не думал о Берлине, и цель была простой — Москву не сдать.

Ну, а фашисты наступали рьяно, вы стольких потеряли той зимой! Захвачена и Красная Поляна, с ней рядом он — к столице путь прямой.

Сдержали вы врага, не отступили, стояли честно, насмерть, до конца. Да разве можно, чтоб о том забыли сегодняшние юные сердца!

И до сих пор в полях находят кости, ещё не заросли окопы, рвы... Достойно — без жестокости и злости — о днях сражений говорите вы.

Дай бог вам сил, терпенья, оптимизма и радостью наполненного дня! Склонилась благодарная Отчизна у вечного бессмертного огня...

Елена Лешковцева

Случай на войне

Дело было под Вязьмой, В сорок первом году. Умирал в муках воин, Звал он маму свою... Жалко, горестно видеть, Слышать стоны бойца... Медсестра песню спела, Обняла паренька. Колыбельную песню Тихо спела ему. «Будешь жить, мой родимый, Я тебя сберегу!» Как-то раз, на привале, В сорок третьем году Пела песни солдатам Та певица в лесу. О степи и о Волге, О судьбе ямщика, Колыбельную песню Тихо спела она. Подбежал к ней солдатик: «Помню песню твою! Лютой смерти не сдался И я снова в строю!» И певица замолкла, Покатилась слеза. Выжил, выжил родимый. Сила духа спасла! И Победная песня Над страною взошла, У Рейхстага, в Берлине

Пела песни она. И с седой головою Подошёл к ней солдат: «Мы врага одолели, Нашей встрече я рад!» Пусть звучат наши песни! Станет краше земля! Песня счастья и мира В каждом доме слышна!

Спасибо, потомки!

Нам не быть на парадах. Мы лежим под землёй... И Киовские Горки Дали вечный покой.

Мы убиты врагами. Нас — сто девять бойцов... Все без вести пропали В круговерти веков.

Нас сразили на марше В сорок первом году. На защиту послали, За столицу — Москву.

И нашли нас на поле... Миг священный настал, Чтобы каждый убитый Ни один не пропал.

Расшифруйте на ложках, Медальонах солдат: Имя, звание, адрес, — Через бремя утрат.

Вам спасибо, потомки, За священную нить — Поколенья связала, Чтобы помнить и быть.

И огонь вечной славы Вы зажгите для нас У Киовских у Горок В светлый праздничный час.

Стихотворения публикуются в авторской редакции.

Анатолий Лешковцев

Заздравная «Ладожская»

«Ладога», Лобня, ЛИТО наше славное. Вера, надежда, любовь. Встречи и творчество, важное, главное Сердце волнует и кровь. «Ладога», Лобня. Растут поколения, Каждый – прозаик, поэт. Сборников множество и выступления В двадцать пять радостных лет. Многое сделала «Ладога» в городе И наш учитель Петров. Новую жизнь и глоток вдохновения Всем подарил Кузнецов. Связаны тесно мы с братской Болгарией: Встречи, поездки, мечты. А переводы о дружбе и здравии Всем нам, как воздух, нужны. «Ладогу», Лобню, Россию, Московию Мы воспеваем в стихах. И сохраним речь родную, великую В книгах и наших лелах.

Лариса Литвинова

Весна в Катюшках

А в Катюшках подснежник раскрылся, Мать-и-мачех желтеют глаза, Наших предков Завет не забылся, И творит Серафим чудеса.

Средь высоток жилых не затерян, Храм стоит в тишине — часовой, Душ заблудших спасительный берег, С освящённой, целебной водой.

Я как будто воочию вижу, Здесь монашки трудились с душой, И принцесса Дармштадская крыши, Осеняла своею рукой.

Нет обители — крест на пригорке, Первоцветы кивают ветрам, Крики чаек пронзительно-горьки, Раскатились по новым дворам.

Жизнь идёт — расцветают Катюшки, Звонкий смех детворы во дворах, Распушились здесь ёлки-подружки, Отражается свет в куполах.

Кому что нравится

Размышления после полемики на стихотворение И. Бродского «Не выходи из комнаты»

Одному нравится Северный полюс, другому – Южный, Но никого в этом разубеждать не нужно. Ведь, кто-то обожает фэнтези, иной – триллер, Им не до Пушкина, им не нужен Шиллер. Кому-то позитива хватает в рамке, Другой за рамки выходит с изнанки. Для головоломок пути те, что проще? Идите к заре босиком по роще! Пусть камни впиваются больно в пятки, Решенье созреет и ляжет в тетрадке. Одному на час, другому на столетия, – Аксиомой, твореньем, строкой бессмертия. Пёстрой толпе наплевать на серые массы, Где парень шагал, обмотав шею красным, Жил вопреки, казался напрасным, Слыл поэтом, открывая новые трассы.

Заветный куб

У Наташи сегодня было скверное настроение. В школе она получила по немецкому языку плохую оценку. На глазах показались две слезинки. Выкатываясь, они делались всё крупнее и крупнее, увеличивая и глаза, которые становились похожи на два синих озера, с опрокинутым в них небом. Но вот её брат Саша напротив, был очень счастлив. Сегодня немецкий, изучение которого началось с трудом, наконец, ему удался и он ответил урок блестяще, чем удивил преподавательницу и своих товарищей.

— Почему, Наташ, тебе так тяжело нести два балла? У меня целых пять, а так легко, что даже летать ох-ох-охота-а-а-а! — подтрунивал он над своей сестрой, подпрыгивая от удовольствия. На его лице смеялись такие же синие, как у Наташи, глаза а вместе с ними и розовые губы, обнажающие белоснежные щербатые зубы.

Вообще они были похожи с сестрой, всё-таки двойняшки. Оба рыжие, с курносыми носами и практически всегда в хорошем настроении. Эти ребята уже одиннадцать лет были любимцами своей семьи. Больше всех их баловала бабушка, преподавательница всё того же немецкого языка, из-за которого сегодня испортилось настроение у Наташи. Их мама работала редактором в одном из крупных издательств, а у отца был свой строительный бизнес. Родители часто задерживались на работе, а бабушка жила в другом районе города, но когда семья собиралась вместе в выходные дни, то это был праздник для всех. Ну, а в будни дети были самостоятельны и старались заботиться друг о друге. Вот и теперь Саша сказал сестре, чтобы она успокоилась, и протянул ей яблоко:

 Ладно, не реви, исправишь ты свою двойку. Возьми яблочко, скушай.

Отдав яблоко, он побежал на качели, и Наташа пустилась следом. Скинув свои рюкзачки, они запрыгнули на сиденья. Когда Наташа хотела ухватиться за них, то выронила яблоко. Оно укатилось за изгородь в красивую осеннюю клумбу. Девочка тут же соскочила с качелей и, перепрыгнув невысокий заборчик, оказалась на клумбе, радовавшей прохожих яркими красками последних осенних цветов. Наташа аккуратно стала обходить цветник в поисках пропажи. Но вот оно, яблоко, спряталось под жёлтооранжевыми бархотками! Она нагнулась, чтобы подобрать его.

Вдруг поднялся ветер. Над цветником закружилась разноцветная листва, а потом так замело, что у Наташи дух захватило. Но ветер неожиданно утих, а перед лицом девочки блеснули линзы очков, из-под которых на неё смотрели внимательные глаза старичка. Потом она разглядела усы с проседью и аккуратно подстриженную белую бородку. На его голове красовался фиолетовый колпачок с блестящими звёздами, луной и солнцем. Казалось, что день там встретился с ночью. Вместо рук у него были мохнатые лапки и такое же пушистое длинное тело, похожее на гусеницу. В одной лапке старичок держал фиолетовый куб, который светился изнутри словами: ERKENNTNISSWEG. VORWAERTSBEWGUNG. TRAEUME. SCHAFFE¹. Другой лап-

¹ Путь познания — движение вперёд. Мечтай. Твори.

кой дедушка прижимал к себе планшет.

Он улыбнулся девочке и сказал:

 Hallo Natasha. Mein Name ist Opa Michael. Herzlich willkommen Welt!²

Он указал на круглый вход в необычный дом, похожий на большое спелое яблоко. Говорил он по-немецки, но Наташа почему-то всё легко понимала. Внутри её головы будто раскрывались зёрна, и из них показывались зелёные ростки. Они стремительно росли и превращались в великолепные цветы. От этого Наташе становилось легко и радостно. Она могла не только понимать, что говорил забавный старичок, но и отвечать на его языке:

 Hallo! Mit Vergnuegen nehme ich die Einladung an und werde zu Gast!³

Старичок-гусеница взмахнул одной свободной лапкой и в ней появились блестящие очки. Он предложил надеть их Наташе, чтобы не потеряться по дороге. Михаель сказал, что его мир — это страна лабиринтов. Только он знает, как в них не запутаться, а помогать будет планшет, куда он занёс сложный план, для верности. Показав план девочке, он удивил Наташу. Она увидела, что каждый из лабиринтов имеет своё название: ПУСТОТА, ЦЕЛЬ, ФАНТАЗИЯ, НИЧТО, ПРЕДАТЕЛЬСТВО, ДРУЖБА, НЕЧТО, ЛЮБОВЬ, ВЕЧНОСТЬ и другие. В центре она смогла разглядеть коробочку с семенами. Старик поведал ей, что были люди, которые случайно попали сюда. Они неприкаянные бродили по лабиринтам и познавали мир и себя в нём, проходя пути познания через любовь, дружбу, измену, открытия. Но когда они подходили к центру, то коробочки с семенами затягивали их внутрь себя, и они попадали в страну Вечности, откуда не было возврата. Но, несмотря на это, в той другой стране тоже была своя жизнь. Исчезнувшие люди и существа влияли оттуда на наш мир неведомым образом, так как стали обладателями истинного познания.

Дед мог оказаться коварным и бросить её одну бродить по лабиринту, но она испытывала к нему ДОВЕРИЕ. Он, прищурив-

 $^{^2}$ Здравствуй, Наташа. Меня зовут дедушка Михаель. Добро пожаловать в мой мир!

³ Здравствуйте! С удовольствием приму приглашение и погощу у вас!

шись, смотрел на неё и мило улыбался. Когда они встречали кого-то в лабиринте, то он с интересом рассказывал про них, ведь это были ПЛОДЫ его Фантазии. Им встретилась маленькая растрёпанная девочка с черепахой, какие-то серые люди, желавшие украсть Время, зелёный человечек на летающем драконе, девочка, похожая на Луну. Когда все обитатели этого необычного дома остались позади, то старик сказал, что наступило время снять блестящие очки.

— Ты опять вернулась в страну людей. Тебя ищет твой брат Саша, надо торопиться. Помни, что только в движении ты будешь фантазировать и совершенствоваться, тогда и станешь обладательницей своих плодов, — сказал он загадочно, улыбнулся и неожиданно исчез.

Можно было подумать, что вся эта история была наваждением. Но на том месте, где стоял старик, остался лежать фиолетовый куб со светящейся надписью на гранях. Наташа быстро подняла его вместе с яблоком и перепрыгнула через заборчик. Тут же она увидела Сашу, обходившего разноцветные осенние кустарники и деревья, которые вдруг как-то поредели, сбросив часть своего наряда.

Куда ты пропала? Нам пора домой, скоро уже родители вернутся, и уроки надо успеть сделать.

Мама, немного задержавшись вечером, сказала, что встретилась с бабушкой, и она ей передала несколько книг для внуков.

— Эти книги ещё из бабушкиного детства, и я очень любила их читать, когда была такая, как вы. Надеюсь, что они вам тоже понравятся...

Когда она достала книги из сумки, то Наташа застыла от удивления. На обложке одной книги она увидела идущую с черепахой девочку, а на другой — летящего на драконе зелёного человечка и знакомых обитателей лабиринта. Наверху обложек было написано имя автора МИХАЕЛЬ ЭНДЕ. Приоткрыв книгу, она увидела, что на неё смотрят в очках внимательные глаза старичка. Сжав ещё крепче в своих руках заветный куб, она обратилась к маме:

 Обещаю тебе, что скоро я смогу пересказать эти сказки на немецком языке. Попрошу бабушку, чтобы она мне помогла побыстрее овладеть немецким. Мама улыбнулась в ответ, а дети, взяв книги, удобно устроились с ними каждый на своём любимом месте — Саша на ковре, а Наташа в кресле, погружаясь в необычный мир удивительного сказочника. Девочка так увлеклась чтением, что не заметила, как заветный куб упал с кресла и... исчез.

Посвящаю светлой памяти Юрия Васильевича Петрова, основателя литературного объединения «Ладога» города Лобня

Рождественская чайка

Конец марта выдался необыкновенно тёплым в Подмосковье. Казалось, что вот-вот около просевшего серого снега, покрытого ледяной коркой, на проталинках появятся цветы мать-и-мачехи. Ночь постепенно уступала права занимавшемуся на востоке утру, как вдруг опять всё потемнело в округе из-за поваливших хлопьев снега.

Мужчине не спалось. Ныли кости, а в душе была весна, как в юности. Давно это было. Он встал с кровати и тихонечко побрёл, прихрамывая, к окну. Он был сед, высок и сух. Тень от его фигуры вытягивалась и росла вдоль всей комнаты, и казалось, что скоро достигнет двери. Он опёрся одной рукой о подоконник, а другой раздвинул шторы. «Батюшки мои, снег-то как повалил! Вот кости и ломит...» - подумал Пётр Васильевич и, настороженно прислушиваясь, стал всматриваться в разыгравшиеся снежинки за окном, которые преображали землю, одевая её в белоснежные одежды. Вскоре ветер затих, снег перестал идти. Пётр Васильевич прислушался. «Наверно, показалось», - подумал он, когда опять послышались знакомые с детства звуки. Приоткрыл форточку, нет, он не ошибся – в город вернулись чайки. Это их беспокойные крики слышались почти рядом. Его непреодолимо потянуло выйти на улицу. Надев тёплые вещи, прихватив костыли, чтобы увереннее себя чувствовать и не упасть, он шагнул за порог квартиры. Ему предстояло спуститься со второго этажа на первый. Он остановился, вдруг время откинуло его на много лет назад, в юность, в блокадный зимний Ленинград.

...Январь. Холод. Блокада. Пётр, неуклюжий, истощённый голодом и вытянувшийся, как тростинка, долговязый подросток, никак не может заснуть от холода. Днём ходил на Ладогу, помогая там передавать детей на Большую землю и разгружать машины с доставленной помощью. Вечером до самой ночи он, с такими же мальчишками, сбрасывал фугаски с крыш. Вой сирены до сих пор стоял в ушах. Знобит. Он кутается в одеяло, сверху набросив ещё и фуфайку. Отец уже неделю не приходит с завода. Ослабевшая мать что-то шепчет во сне. Петя поворачивается к окну, крестообразно заклеенному, чтобы стёкла не вылетели при бомбёжке. Мороз не был подарком, но преподнёс мальчику немного праздничного настроения из прошлой спокойной, довоенной жизни и, наперекор страданиям и горю разукрасил окна невиданными сказочными узорами. Пётр, приоткрыв глаза, как будто всосавшие в себя ладожские льдинки, увидел на стекле птицу, искрящуюся необычной красотой. Его глаза расширились от удивления: она вдруг повернула к нему свою головку, несколько раз моргнула. Оперенье заколыхалось от ветра. Парнишку вдруг осветило сияние, исходящее от неё. Ему стало необычно мирно и тепло, и, согреваясь, засыпая, он слышал, как она говорит, что всё будет хорошо, война пройдёт и наступит счастливая мирная жизнь. Он проснулся от стука, исходившего со стороны окна. Было ещё темно, но мальчик увидел, как между рамами бьётся живая белая птица. «Что делать?» – подумал он. А птица посмотрела ему в глаза, и он тотчас понял, что её надо срочно выручать. Расклеив окно, открутив петли, он вынул одну раму, и птица с морозом впорхнула в комнату, усевшись на шкаф. Когда рама заняла своё место, она, широко раскрыв крылья, покружившись над головой мальчика, села на его руки, и он опять почувствовал тепло, исходящее теперь от её тела. На удивленье это оказалась белая чайка. Посмотрев ей в глаза, он почувствовал, что она хочет ему сказать что-то важное. И вправду, в его голове зазвучали слова её просьбы: «Выпусти меня на улицу, не бойся, я найду, где укрыться, а потом буду тебе помогать, а как – ты и сам поймёшь». Петя, даже не удивившись этим мыслям, сделал так, как она хотела, вышел из парадного и отпустил её на волю. Вернувшись, опять прилёг, так как до утра ещё было время.

Утром его опять разбудил стук, но теперь в дверь. Отворив, он увидел, что на пороге стояла соседка с девочкой. У девочки умерла ночью мама, и ослабевшая женщина просила помочь увезти труп на кладбище. Пётр содрогнулся, но, переборов себя, всё же пошёл помогать девочке. Ему стало жаль её поникшую фигуру и глаза, не выдававшие никаких чувств, ну, а слёз уже давно не было. Он кивнул головой, быстро оделся и пошёл за осиротевшей девочкой. Они тащили сани вдвоём, но вскоре руки у Петра стали замерзать. Пришлось остановиться. Он попытался согреть ладони своим дыханием, вспомнил ночное происшествие и услышал голос внутри себя: «Не бойся, бери и сам вези сани, девочка пусть идёт сзади. Запомни на всю жизнь мои слова: не останавливайся и не отступай ни при каких обстоятельствах, только вперёд! Упирайся и иди, добрые дела когда-нибудь возвратятся к тебе». Он надел рукавицы и взялся за верёвки саней, а девочке указал, чтобы помогала сзади. Мороз трещал своим скрипучим языком, вещая о смерти. Они всё шли и шли, не останавливаясь, пока не оказались на месте. Подростки аккуратно положили тело в ряду таких же свёртков на кладбище. Петя деликатно подождал, когда дочь простится с матерью, и они направились к дому с серыми каменными лицами. Навстречу везли такие же сани со всех сторон блокадного города, города, который жил вопреки всему. Потом день пошёл, как и обычно, да и следующий был таким же серым, невыносимо голодным, с пробирающим до самых костей холодом. Но вечер выдался необычным. В темноте, в минуты затишья к Пете стали слетаться сверху белые птицы и необыкновенным образом превращаться в стихотворные строки. Мальчик искал газетные обрывки, исписанные листки тетради и стал записывать строки между прежних строк, новые строки слагались в стихи. Он записывал их на подоконнике того самого окна, откуда вызволил чайку. Сквозь него светила луна и звёзды, поэтому записывать было удобно.

Эта история произошла с ним в канун рождественского сочельника. Она стала настоящим подарком на день рождения, который выпал ему в Рождество. В конце января блокадное кольцо прорвали, наступил перелом в этом великом противостоянии жизни и смерти. Для ленинградцев началась новая жизнь. Семья

мальчика уехала из Ленинграда, но какими бы путями не пришлось ему пройти по жизни, в душе он хранил тепло рождественской чайки. Иногда он задумывался, вспоминая ту необычную ночь в блокадном городе. «Чайка? — спрашивал себя Пётр Васильевич, — Нет, откуда?.. — продолжал он размышлять, — Скорее всего, это был голубь. А, хотя и голубь откуда? В ту пору и ворону на кладбище не встретить, а голубя и подавно. Нет, однозначно, это была чайка, со своеобразным размахом крыльев, с её устремлённостью вырваться на волю, а может, и войти в его будущую жизнь...»

Его называли счастливчиком, баловнем судьбы, бравым солдатом, но он всегда хранил тайну о необычной рождественской птице.

Вот и преодолён лестничный пролёт. Распахнул дверь и замер. Метель улеглась, стояла необыкновенная тишина, которую нарушали криками вернувшиеся домой чайки. Город ещё спал. Пётр Васильевич простёр навстречу птицам ладони, вдыхая полной грудью свежий, по-весеннему пахнущий воздух. Вдруг одна из чаек, как бы приветствуя его, сбросила своё перо. Он поймал парящий в воздухе подарок, положил его в нагрудный карман, а сам потрудился нагнуться, крепко схватившись за один костыль, а другим чётко написал на весеннем снегу у подъезда одно из самых дорогих для него слов — ЛАДОГА.

Днём к нему домой придут на занятие его ученики-поэты. В центре стола он обязательно поставит в маленькую вазочку сегодняшний подарок. Засияют лица, потеплеют глаза, непременно все они преобразятся, когда над комнатой полетят, закружат рифмы, так же, как и эти чайки над городом.

Мамара Малкина

Сны из детства

Что-то стал мне часто сниться Тот заветный, милый край, Где под песню жаворонка Утром слышала: «Вставай!»

По утоптанной тропинке Босиком бегу к реке, Где друзей весёлый хохот Раздаётся вдалеке!

Вот сейчас за поворотом, В реку, где родник впадал, Из-под быстрых голых пяток Брызнет радужный фонтан!

С ходу прыгаю в прохладу Вёрды — речки голубой. Крик восторга раздаётся Над притихшею рекой!..

Вдруг тревожный звук — Будильник начинает свой трезвон... С сожаленьем выплываю Из речных прохладных волн!

Долго сон не отпускает Средь житейской суеты. Снова хочется вернуться В голы слалостной мечты!...

Детство, юность, даль без края, Рожь, что выше головы! Я прошу — не умирая, До конца во мне живи!

Эх ты, Русь!

Эх ты, Русь родная, Голубой рассвет! Лучшей благодати В целом мире нет!

Пляшешь — до упаду Любишь — так навек В песнях и забавах Тебе равных нет!

Но попробуй, враг, За живое тронь — Как в душе твоей Вспыхнет свят-огонь.

Как покажешь стать, Стать былинную Вспомнишь заповедь Ты старинную:

Соберёшь ты, Русь, Силушку в кулак — Только пятками Засверкает враг!

Зла не помнишь ты, Как велел пророк. Перекрестишься, Глядя на восток. Без упрёка жизнь Даришь ты врагам, Каравай ржаной — Всем голодным ртам!

Ты — то грустная, То — весёлая. Только доля твоя Тяжёлая...

Так живёшь ты, Русь, Испокон веков. Не щадя себя, Но щадя врагов.

Эх, Россеюшка, Расписной платок, Молишь Бога ты, Гляля на восток.

Будешь жить в веках, Пока есть Земля. Ты — душа надежд Всего бытия!

Военное детство

Из песни слова не выкинешь, а из памяти — воспоминания летства.

«Всё начинается с детства», — мы часто употребляем это выражение, когда оцениваем поступки людей. И действительно, детство во многом формирует в человеке его суть — характер, взаимоотношения с людьми, понимание происходящего. У каждого поколения — своё детство.

Есть поколение, объединённое понятием «Дети войны». В силу возраста мы не состояли в штурмовых ротах или в партизанских от-

рядах. Но она, война, коснулась нас, малолетних несмышлёнышей, через судьбы наших старших братьев и сестёр, отцов и матерей.

Мне было 4 года, когда началась война. Я с родителями жила в бараке в краснопресненском районе Москвы. В то время это была окраина города. Остались в памяти обрывки разговоров взрослых, что в Москве паника и скоро придёт враг. Помню, мама принесла откуда-то еду, которую я видела впервые. Мясной вкус этой еды я запомнила навсегда!

Моего папу, Гусева Григория, мобилизовали в Красную Армию, а маму Прасковью — на трудовой фронт. А меня папа отвёз в село Павелец Рязанской области к бабушке и дедушке.

Помню избу под соломенной крышей, иконы в углу над обеденным столом, прялку с клубком шерсти, а в проёме двери — смутный образ уходящего отца. Этот образ я ношу в своей памяти до сих пор.

Однажды в избе поселились незнакомые люди, говорившие на непонятном языке. Почему-то захлопали крыльями и закричали куры во дворе. А потом эти люди внесли в избу двух кур с отрубленными головами и что-то лопотали, показывая бабушке на кур. Бабушка испуганно кивала головой и отнесла кур в чулан, где топилась печь...

Это была немецкая воинская часть, проходившая через нашу деревню и на некоторое время поселившаяся в избах. Так же неожиданно немцы покинули деревню и больше не появлялись.

А детство продолжалось. Народ выживал, а мы, дети, подрастали и вместе с близкими людьми жили нелёгкой деревенской жизнью. Помнится, набегавшись, я забегала в избу, открывала ящик обеденного стола в надежде найти кусочек хлеба, оставшегося от обеда. Но бабушка часто говорила: «Внученька, хлебушка нет!»

Каким лакомством казался луговой швей (щавель по-деревенски) и ещё какие-то сочные стебли, которые мы ели на корню!

А уж в разгар лета нашим кормильцем был лес, наш родной липяг! Сыроежки мы ели прямо в лесу, а другие грибы и ягоды несли домой для своих домашних.

Поблизости от нашей избы был сад семьи Савкиных, где росли несколько яблонь. Иногда бабушка давала яичко, чтобы об-

менять его на несколько челочек-падалиц. Какое это было лакомство!

Когда скашивались хлеба, то на полях начиналась наша детская работа! Мы собирали с земли упавшие колоски и шелушили зёрна. Зёрна потом измельчались в ступе деревянным пестом. В каждой избе пекли хлеб из этой муки в русской печке. Особенно вкусными были тонкие блины-каравайцы из пшённой муки. Казалось, что вкуснее их, слаще, как говорили в деревне, нет ничего на свете.

Да, оно было босоногим и голодным наше военное детство! Но с какой теплотой и нежностью вспоминается оно!

Какую радость доставляли поношенные платьица, перешедшие от старших детей или сшитые из невзрачного ситчика. А уж если случалось «нечто» — счастью не было предела! Так однажды приехал на побывку дядя Ваня — брат отца, служивший где-то на Курилах. Он привёз мне в подарок почему-то небольшой зонтик. Это было целое событие! Ну как тут было усидеть в избе! Я с криком выскочила на улицу. Тут же собрались соседские ребята-однокашники. И я с восторгом отплясывала с зонтиком в руках в грязной луже, скопившейся от недавнего дождя.

Мы, дети, были свидетелями бед и потерь, которые переживала деревня. То и дело в деревне слышались рыдания, вопли, причитания. И бабушка говорила: «Вон кричит Нюрка Яшина. Видно, похоронку получила». И деревенские бабы собирались и вместе оплакивали невосполнимую потерю... А потерь было много! В родные избы не вернулось с фронта более сотни солдат...

Только в семье моей бабушки, Гусевой Александры, погибли три сына — мой отец Григорий и его братья — Пётр и Василий. И остались от них только похоронки, наша память и последнее письмо отца о том, что 18 декабря 1941 года получен приказ об отбытии на фронт. А через две недели, 2 января 1942 года отец погиб и был похоронен в деревне Долгуши Калининской области (теперь — Тверской).

В самом конце войны я пошла в школу, которая находилась почти в 3-х километрах от дома. Помню, иду по расхлябанной деревенской дороге, за плечами — мешочек с чернильницей-непроливайкой, перьевой ручкой и тетрадкой. Но горда собой — иду

в школу! На обочине дороги стоит дед с палкой и говорит мне вслел: «Учиться илёт!»

Учительница была для нас посланником Бога на земле. Её слово и авторитет были непререкаемы! Учителя были подвижниками, наши учителя военного времени. Многие из них так и остались в деревне, и мы были их детьми и семьёй.

Вот и конец войне! Деревня голодала... А в Москве по карточкам давали продукты работающим и иждивенцам, то есть детям. И в 1947 году мама привезла меня в Москву. И начались не менее тяжёлые годы и послевоенные московские детство и юность.

Мы, дети военного времени, рассказываем о нашем детстве для того, чтобы последующие поколения знали и помнили!

Бессмертный полк

Посвящается всем павшим за Родину

По брусчатке Кремля Полк бессмертный идёт, Вся страна в том строю Свою память несёт.

Вот герой в орденах, Вот в пилотке солдат, Вот безусый мальчишка — Подольский курсант.

Вслед Матросов и Зоя Шагают в строю, Миллионы героев, Погибших в бою.

Впереди маршал Жуков На белом коне. И Гастелло незримо Парит в вышине. Если б полк вдруг воскрес, По ранжиру встал в строй, Он с лихвой опоясал бы Весь шар земной!

Если б полк прокричал Троекратно «УРА!!!», То от крика его Задрожала б земля.

По брусчатке Кремля Полк бессмертный идёт. А страна ему песню Победы поёт!

Ταλμρα Μαλομίποβα

Меклин (Кравцова) Наталья Фёдоровна (8 сентября 1922 года — 5 июня 2005 года) — Гвардии майор. Герой Советского Союза.

Командир звена 46-го Таманского гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка. Выполнила 980 (по некоторым данным 982) боевых вылета во время которых на врага было сброшено 147 тонн бомб.

Награждена: орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны І-й, ІІ-й степени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почёта»; двенадцатью медалями.

Почётный гражданин города Гданьск (Польша).

Зачислена в члены трудового коллектива цеха № 5 ПО «Оргсинтез» имени 60-летия СССР в городе Волжский Волгоградской области.

Её именем названы школы в городах Северодвинск, Смоленск, Полтава, Ставрополь.

Член Союза писателей России.

От штурмана до лётчика, Героя Советского Союза. На пределе человеческих сил

В двухстах километрах от Киева на берегу реки Сула находится древний украинский город Лубны. Название города, возможно, происходит от рода занятий горожан, занимавшихся изготовлением лубяных изделий. Основал город в 988 году киевский князь Владимир Святославович как одну из крепостей Посульськой оборонной линии для защиты Киевской Руси от набегов степных кочевников.

В этом красивом месте, пронизанном духом вековой истории, 8 сентября 1922 года родилась Наташа Меклин. Её детство проходило сначало в Лубнах, потом семья переехала в город Смела Черкасской области. Позже переехали в Харьков, затем перебрались в Киев.

Наташа от природы была подвижным, увлечённым ребёнком. В школе, помимо учёбы, с удовольствием отводила время на тренировки по спортивной гимнастике, нередко завоёвывала призовые места на соревнованиях. Первые места не раз получала и на республиканских соревнованиях по стрельбе из малокалиберной винтовки и пистолета. В старших классах девушку заинтересовал планеризм, она записалась в планерную школу при Киевском Дворце пионеров. Пройдя теорию, вместе с друзьями-планеристами ездила в пригороды Киева в Святошино на полёты. В школе в это же время шли выпускные экзамены, и Наташа готовилась к ним по дороге на аэродром, прямо в трамвае. С отличием окончив среднюю школу № 79, поехала поступать в Московский авиационный институт. Поскольку она была отличницей, её приняли без экзаменов на 1-й курс самолётостроительного факультета. Учиться было нелегко, но усердие и цепкость ума делали свое дело. В свободное время Наталья ходила в театры, на концерты, нравилось ей бывать в обсерватории.

Мирное время оборвалось ранним утром 22 июня 1941 года. Накануне Наташа сдала в институте экзамены за первый курс. Утром долго спала, расслабившись после напряженной сдачи. Проснувшись, встала с постели, по привычке включила радио. Из репродуктора звучало: «...Враг вероломно напал на нашу Родину...». В первые минуты Наташа не могла осознать чудовищный смысл услышанного. Война... Какое страшное слово... Застучало в висках... Война... И в одночасье всё изменилось...

В начале июля студенток МАИ и других вузов отправили в Орловскую и Брянскую области копать противотанковые рвы. Работали с утра до вечера на оборонительных заграждениях. Оборонительные рвы имели немалую длину и глубину выше человеческого роста — три с половиной метра. Молодые студентки проделывали неимоверно тяжёлую физическую работу. Выбрасывали лопатами грунт на самый верх рва, ежедневно перевыполняли норму землекопа. Загрубевшие от работы руки болели, саднили ладони. Девушкам, стирая в кровь ноги, приходилось совершать длинные многокилометровые пешие переходы с одного участка на другой. И снова копали, копали, копали... Не раз над ними в сторону Москвы пролетали фашистские

бомбардировщики. В такие моменты особенно остро желалось взять в руки оружие и громить незваного недруга. Только в первых числах сентября студентам чудом удалось уехать последним поездом из горящего после бомбежки Брянска.

Наташа вернулась в Москву и сразу пошла в военкомат. Военком на просьбу девушки отправить её на фронт ответил шутливым тоном: «Пойдёшь на фронт, дорогая, только после меня...», — и отправил девушку домой. Домой? Нет! Когда враг бомбит наши города, топчет нашу землю, убивает женщин, стариков и детей... Наташа не могла сидеть дома. Она записалась на курсы медсестёр.

В начале октября 1941 года, услышав о наборе Мариной Михайловной Расковой девушек в женский авиационный полк, Наташа сразу отправилась в ЦК комсомола, именно там проходил набор. Много лет спустя в своей книге «От заката до рассвета» она напишет:

«...Мне вспомнилось, как ещё школьницей я собирала её портреты, вырезанные из газет и журналов. Был 1938 год, когда три лётчицы — Гризодубова, Осипенко и Раскова — совершили беспосадочный перелёт Москва — Дальний Восток. А впервые увидела я её уже в сорок первом, осенью. Это было в здании ЦК комсомола, где заседала отборочная комиссия. Я стояла в коридоре перед дверью и ждала своей очереди. Дверь. Самая обыкновенная. Но как страшно было браться за ручку этой двери: а вдруг не примут?.. Я решилась и вошла. Среди женщин в военной форме я сразу увидела её, Раскову. Она подняла голову от бумаг и улыбнулась мне. Успокоившись, я почему-то решила: примут!..»

Ожидания оправдались. Наталью зачислили в полк. Марина Михайловна внимательно смотрела на хрупкую, невысокую девушку и задавала вопросы, в конце беседы сказала: «Я зачислю тебя в штурманскую группу. Для лётчика у тебя налёт маловат.» Наталья подумала: «Хорошо ещё, что штурманом берут. Вон других девушек из МАИ назначили авиамеханиками, а это значит — прощай, небо!»

Изначально всех курсантов разместили в Академии имени Жуковского, распределили по группам, выдали обмундирование. В Академии они пробыли около двух недель. К середи-

не октября немцы вплотную приблизились к Москве. Лётчиц срочным порядком отправили товарным поездом в Энгельс в лётную школу, где проходило обучение курсантов и формирование женских авиационных полков. В мае 1942 года, окончив лётную школу, Наталья, в составе женского 588-го ночного легкобомбардировочного авиационного полка, отправилась на фронт (в ходе войны два женских авиаполка стали смешанными, но 588-ой до самого своего расформирования оставался полностью женским, все должности в нём: механика, техника, штурмана и пилота, занимали только женщины).

Командиром полка была Евдокия Давыдовна Бершанская, опытный лётчик с многолетним лётным стажем. Под командованием Евдокии Давыдовны авиаполк сражался до окончания войны. «Дунькин полк», так называли его в шутку, был численностью 115 человек, лётчицам было в основном от 17 до 22 лет. Авиаполк был оснащён самолётами У-2. При формировании имел на вооружении двадцать самолётов, со временем численность дошла до количества сорока пяти, к окончанию войны в строю находилось тридцать шесть боевых машин. В 1944 году, после смерти авиаконструктора Николая Николаевича Поликарпова, самолёт У-2 был переименован в По-2.

В мае 1942 года пришёл приказ об отправке полка на фронт. Начальник Энгельского военно-авиационного училища полковник авиации Багаев Павел Егорович (Багаев был начальником училища в период с 23.07.1938 г. по 14.05.1944 г., — прим. автора) выступил перед лётным составом с краткой напутственной речью: «Сегодня впервые с нашего аэродрома уходит на фронт женский полк. Вы летите не на грозных машинах, а на учебных самолётах. Да и сами-то вы на вид тоже не слишком грозные. Но я уверен, что и на легкокрылых машинах вы сможете наносить тяжёлые удары по врагу. Уверен, что наш полк будет одним из лучших на фронте. Пусть летит с вами моё отцовское пожелание: удачи вам и боевой славы!».

На фронт, в посёлок Труд горняка недалеко от Краснодона, полк прибыл 27 мая 1942 года. Молодые лётчицы жаждали воевать, мстить врагам, посягнувшим на родную землю, но девушек встретили на фронте с недоверием:

«...Нелегки были первые дни на фронте. Трудности встретились как раз там, где их не ожидали. Мы готовы были ко всему: спать в сырых землянках, слышать непрерывный грохот канонады, голодать и мёрзнуть — словом, переносить все лишения, какие только могло нарисовать нам воображение. Но мы никак не могли предположить, что на фронте нас встретят с недоверием. Вероятно, по молодости и неопытности.

А произошло именно так. В дивизии и армии к нашему полку отнеслись с явным недоверием. Даже растерялись: как быть? Случай из ряда вон выходящий! Полк из девчонок! И хотят воевать! Да ведь они испугаются и заплачут! И вообще, умеют ли они?!

Прошла неделя, и десять дней, и больше, а боевого задания полк всё ещё не получал. Мы приуныли. Бершанская, командир полка, всё время куда-то ездит, то и дело её вызывают к начальству. А командир нашей эскадрильи Люба Ольховская, шумная, неугомонная Люба, ходит мрачнее тучи.

В полк приезжают инспектора, комиссии. Проверяют, изучают, присматриваются. Заставляют нас тренироваться и делать то, что мы уже давно умеем. Словом, первого боевого вылета мы ждём около трёх недель. Возможно, это не такой уж большой срок, но кажется, что время тянется бесконечно долго...» («От заката до рассвета». Н. Кравцова).

И всё-таки первый боевой вылет состоялся:

«...В ночь на 9 июня женский полк принял первое боевое крещение. Провожать экипажи в полёт пришли командир дивизии Д. Д. Попов и комиссар А. С. Горбунов. На задание вылетали экипажи Е. Д. Бершанской, командиров эскадрилий С. Амосовой и Л. Ольховской. Им предстояло нанести бомбовый удар по живой силе противника в районе Снежного и Никифоровки. При подходе к цели вражеские зенитки обстреляли самолёт Бершанской. Маневрируя, она вышла к намеченному пункту и с высоты 600 метров сбросила бомбы. Её примеру последовал экипаж Амосовой. В это время зенитный огонь усилился. Несколько осколков угодило в машину Бершанской, но лётчица не растерялась и сумела вывести самолёт из-под обстрела. Так же поступила и Амосова. А вот третьему экипажу не повезло. Во время бомбёжки Л. Ольховская и В. Тарасова получили тяжёлые ранения и в районе посёлка Красный Луч произвели вынужденную посадку. Там местные жители и похоронили отважных девушек.» (Вершинский К.А. Четвёртая воздушная. — М.: Воениздат, 1975)

Накануне празднования 20-летия победы над фашистской Германии, жители посёлка Софьино-Бродского (посёлок в восточной части города Снежное Донецкой области, ныне Донецкая Народная Республика) написали письмо в редакцию газеты «Правда». В письме очевидцы событий военных лет сообщали, что в середине июня 1942 года после бомбардировки железнодорожной станции они нашли сбитый самолёт По-2, с погибшими лётчицами. Документов при девушках не было. Теперь, спустя годы, решили выяснить имена погибших лётчиц.

«Не было никакого сомнения, что речь шла о Любе Ольховской и Вере Тарасовой. Эта весть, хотя и нерадостная, но очень важная для нас, быстро облетела всех однополчан. Комиссар Евдокия Яковлевна Рачкевич стала собираться в дорогу — кому, как не матери, нашей доброй «мамочке», ехать на могилу дочерей?

8 мая 1965 года при огромном стечении народа состоялись похороны. Прах погибших лётчиц перенесли из безымянной могилы на городскую площадь Снежного. Среди множества венков, возложенных на их новую могилу, был венок от однополчан». («Ночные ведьмы». Н. Кравцова).

Изначально Наташа Меклин летала штурманом с лётчицей Машей Смирновой, потом её назначили в экипаж Ирины Себровой. Девушки очень сдружились. Не раз, возвращаясь после очередного задания, Ирина передавала управление самолётом своей фронтовой подруге.

Однажды, после удачно выполненного задания по уничтожению склада горючего, находившегося в населённом пункте Малгобек под Грозным, во фронтовой газете был написан очерк о метком ударе экипажа по цели противника, а рядом был размещён фотоснимок подруг-лётчиц Натальи Меклин и Ирины Себровой — виновниц меткого удара.

Наташа как-то написала стихотворную «Молитву лётчика», небольшую, но ёмкую по смыслу:

Господи, избавь нас от строевой, Дай нам цель на передовой, Пошли нам боевую задачу И лунную ночь в придачу... Выведи из ада в рай, Дай бомбить передний край, И чтоб долго нас не мучить, Ты пошли нам склад с горючим...

В середине лета немецкие танки прорвали оборону. Началось отступление советских войск. Немцы двигались в сторону Сталинграда и в направлении Грозного и Баку — к южным нефтяным районам. С частями Советской армии в светлое время суток отходили и лётчицы полка. По ночам они продолжали вылетать и бомбить укрепления противника. Порой танки неприятеля подходили близко к аэродрому, тогда приходилось быстро передислоцироваться. Так, отступая вместе с армией, полк подошёл к Тереку. Наталья Меклин прошла вместе с полком боевой путь от Терека до Берлина. Сначала в качестве штурмана, а 18 мая 1943 года в свой 381 боевой вылет полетела уже лётчицей. Воевала на Южном, Северо-Кавказском, 4-ом Украинском, 2-ом Белорусском фронтах.

«Второй Белорусский. Сюда мы прилетели, совершив большой прыжок из Крыма. Мелитополь, Харьков, Брянск... Теперь мы—в составе Второго Белорусского фронта.

Базируемся временно в Сеще. Здесь всё взорвано — городок, ангары, склады. Земля изрыта, перекопана. Ещё до войны тут был огромный аэродром. Немцы тоже его использовали: это была крупная авиационная база.

Живём в больших землянках, хорошо оборудованных. А поднимешься по ступенькам наверх и попадешь в светлый мир берёз. Кругом — одни берёзки. Тонкие, совершенно прямые стволы устремляются к небу.

В Сеще мы сидим неделю в ожидании, когда к нашему полку прикрепят БАО (батальон аэродромного обслуживания, — прим. автора) и приготовят для нас площадку поближе к линии фронта...» («От заката до рассвета». Н. Кравиова).

В феврале 1943 года приказом НКО СССР № 64 от 08.02.43 года 588-ой авиационный полк был преобразован в 46-й гвардейский ночной бомбардировочный авиационный. В октябре этого же года за отличия в боях и освобождение Таманского полуострова ему присвоено почётное наименование Таманского — 46-й гвардейский ночной бомбардировочный авиационный Таманский Краснознамённый и ордена Суворова полк.

На торжественном построении принять гвардейское знамя и пронести его перед строем доверили Наталье Меклин:

«Солнечный летний день. С утра весь полк взбудоражен. Большое событие — нам вручают гвардейское знамя. Уже четыре месяца, как мы гвардейцы, — и, наконец, торжественная церемония вручения. В штабе мне объявили, что приказом меня назначили знаменосцем полка. Значит, я должна буду нести гвардейское знамя. Как я справлюсь?

Наглаживаемся и причёсываемся самым тщательным образом. И, конечно, надеваем юбки. Хочется хоть на один денёк снова приобрести свой естественный вид. Правда, на ногах — сапоги. Туфель ни у кого нет, но не беда!

К нам на праздник приехали девушки из «сестринского» полка. Они летают днём на пикирующих бомбардировщиках. Здесь же, на Кубани. Теперь их полк носит имя Марины Расковой. Все мы радуемся вместе и, конечно, вспоминаем её, Раскову. Вспоминаем, как ей хотелось видеть нас гвардейцами...

Церемония вручения знамени происходит на большой поляне возле пруда. Весь личный состав полка стоит в строю, по эскадрильям. Наступает торжественный момент. Командующий 4-й Воздушной армией Вершинин читает Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Хором мы повторяем клятву гвардейцев.

— Клянёмся! — разносится далеко за пределы поляны.

И где-то в овраге гулко отдаётся эхо:

«...нёмся!»

Наш командир Бершанская принимает знамя. Она становится на колено и целует край знамени, опушённый золотой бахромой. Затем она передаёт гвардейское знамя мне, знаменосцу. Вместе со мной два ассистента: штурман Глаша Каширина и техник Катя Титова.

Знамя большое, ветер колышет тяжёлое полотнище, и меня качает вместе со знаменем. Я ещё не знаю, как с ним обращаться, но крепко держу древко. Это знамя мне теперь нести до конца войны.

Играет духовой оркестр. Радостное волнение охватывает меня, и я поглядываю на девчат: у всех настроение приподнятое, они чувствуют то же, что и я.

Проносим знамя вдоль строя. Впереди широким шагом идет Бершанская, за ней еле успеваем мы. Я чуть наклоняю древко вперёд. Алый шёлк с портретом Ленина развевается на ветру...» («От заката до рассвета». Н. Кравцова).

Эта высокая честь — нести Гвардейское знамя полка — всегда оставалась за Натальей. Наташа, крепко держа древко в руках, думала: «Нужно выполнить задание так, чтобы быть достойной нести вперёд наше знамя». Развёрнутое знамя всегда ставили на КП до утра перед началом серьёзных боевых операций.

Каждую ночь с наступлением темноты девушки-лётчицы на одномоторных двухместных деревянных бипланах вылетали на боевые задания. Бомбили переправы, огневые точки, скопления войск противника, укреплённые районы, штабы, железнодорожные станции, эшелоны. Лётчицы любили своего верного неказистого друга и с нежностью относились к нему:

«...Фанерный самолётик, тихоходный, беззащитный, такой совсем-совсем мирный со своими лентами-расчалками, открытыми кабинами и приборной доской, где перед лётчиком светятся несколько примитивных приборов... Его называют громким именем «ночной бомбардировщик». Да, мы возим бомбы, подвешенные прямо под крыльями. По двести и больше килограммов за один полёт. Так что, например, за пять полётов получается больше тонны...

Бомбардировщик — это верно. А ночной-то он не потому, что как-то оборудован для полётов ночью, совсем нет. Никакого специального оборудования на самолёте не установлено. Ночной он потому, что за линию фронта он может летать, пожалуй, только в темноте: днём его сразу собьют... Но мы любим наш «ночной бомбардировщик», хотя он слишком прост и непритязателен. Это смелый самолёт и большой труженик: всю ночь, от зари до зари, он без устали работает...» («От заката до рассвета». Н. Кравцова).

«На самолёте не было бомбового отсека, бомбы привешивались в бомбодержатели прямо под плоскости самолёта. не было прицелов, мы создали их сами и назвали ППР (проще пареной репы). Количество бомбового груза менялось от 100 до 300 кг. В среднем мы брали 150—200 кг. Но за ночь самолёт успевал сделать несколько вылетов, и суммарная бомбовая нагрузка была сравнима с нагрузкой большого бомбардировщика» (И.В. Ракобольская, Н.Ф. Кравцова «Нас называли ночными ведьмами»).

Маленькие на вид совершенно мирные пикирующие бомбардировщики (до войны на этих машинах лётчики проходили обучение) доставляли врагу немалый урон, вселяли в неприятеля неподдельный страх:

«Жители рассказывают, как немцы отзывались о нас, о наших самолётах «По-2». Они знали, что их бомбят женщины, и сочиняли всякие небылицы, называя нас «ночными ведьмами», утверждая, что мы, лётчицы, бывшие заключённые, которых специально выпустили из тюрем, и т. п.» («От заката до рассвета» Н. Кравцова).

«...Существует документально запротоколированный факт, как один пленный немецкий офицер на допросе жаловался, что «руссфанер» не дают им покоя по ночам, что из-за этих «ночных ведьм» они никак не могут выспаться» (Сайт «Тамбовская жизнь» «Героические «ласточки» или «ночные ведьмы»: тамбовчанки легендарного авиационного полка).

Наталье, как и другим лётчицам, приходилось совершать в ночь по 7-8 и более боевых вылетов. В наградном листе лётчицы говорится:

«Гвардии лейтенант Меклин за период боевых действий по борьбе с немецкими захватчиками произвела 840 боевых самолётовылетов на самолёте По-2 с боевым налётом 1120 час. Имеет общий налёт 1450 час. Ночной налёт 1200 час. Сбросила по уничтожению мотомехчастей и живой силы противника 132 тонны бомбового груза. В результате точных бомбовых ударов в стане врага было вызвано 178 сильных взрывов, 162 очага пожара. Уничтожено и повреждено 3 переправы противника, 2 артбатареи, 1 прожектор, 3 пулемётных точки, свыше батальона пехоты. Разбросано войскам противника 800 тысяч листовок. <...> В напряжённые дни боевой работы тов. Меклин произво-

дит по 9-10 боевых самолётовылетов. Эффективность бомбометания высокая. Вся её боевая работа служит образцом для всего личного состава».

Выполняя поставленную задачу по уничтожению цели противника, лётчицам часто приходилось уводить самолёт под сильным зенитным огнём, маневрируя и вырываясь из перекрестья вражеских прожекторов. На пределе человеческих сил эти девочки ежедневно совершали подвиг.

Совершали подвиг, побеждая страх:

«Вокруг всё тихо. Так тихо, что даже привычный звук мотора куда-то исчезает. Но уже в следующее мгновение всё может измениться. В такие моменты у меня в желудке появляется ощущение холода. Как будто я проглотила лягушку, и она там шевелится, скользкая и холодная. Я знаю, что лягушка — это страх. Обыкновенный противный страх перед тем, что сейчас начнётся. И злюсь сама на себя, потому что всё равно я пройду через всё то, что меня ждёт».

Совершали подвиг, преодолевая усталость:

«Иногда я засыпаю в полёте. Это случается, конечно, в спокойной обстановке. Засыпаю на несколько секунд, и в течение этих коротких секунд мне снятся длинные сны... Просыпаюсь всегда от шума мотора: вдруг начинаю его слышать, вздрагиваю и, открыв глаза, озираюсь, пытаясь как можно быстрее сообразить, что к чему и где я...»

Совершали подвиг, претерпевая иные трудности военного времени, невзирая ни на жару, ни на слякоть, ни на холода и снежные заносы:

«Весь день с короткими перерывами идёт снег. Вечером отправляемся на полёты. Идём, еле волоча ноги: снег сырой, липнет к унтам. Дороги к аэродрому нет. Да, собственно, и аэродрома-то нет. Обыкновенное поле, на котором расчищена довольно узкая взлётно-посадочная полоса. Наши «По-2» переведены с колёс на лыжи. Ещё ни разу на фронте нам не приходилось летать с лыжами: две зимы мы воевали на юге. А я и вовсе никогда не пробовала взлетать или садиться на самолёте, оборудованном лыжами, и поэтому ощущала некоторую неуверенность». («От заката до рассвета». Н. Кравцова).

«Во второй половине февраля 1945 года наступила оттепель. Аэродром утопал в грязи. Несмотря на крайне неблагоприятную погоду, нашим войскам необходимо было помогать — доставлять боеприпасы. Как быть? Взлетать с раскисшего аэродрома с бомбами невозможно. Бершанская вспомнила наш опыт на Кубани и в Белоруссии и предложила построить деревянный настил. Для этого надо было разобрать сараи и заборы. Настил был сооружен длиной 200 метров и 30 метров в ширину. Он стал служить нам взлётно-посадочной площадкой. Полёты проводились так. По команде «Раз, два, три!» девушки, взявшись за самолёт, втаскивали его на помост. Потом приносили вёдра с бензином, заливали бак, вооруженцы подносили и подвешивали бомбы. Все держали самолёт за плоскости, пока мотор не набирал максимум оборотов, затем отпускали и машина взлетала с настила. С такого деревянного помоста-настила на аэродроме Слупе (в Восточной Германии) полк совершил более 500 вылетов. Впереди было ещё два месяца упорных боёв». (Сайт МегаЛекции. «О командире полка Е.Д. Бершанской»).

Совершали подвиг не ради наград, а ради грядущей Победы, ради мирного неба над своей Родиной.

По окончанию войны Наталья Меклин оставалась в рядах вооружённых сил, продолжая службу командиром звена в родном 46-ом полку, базирующемся на тот момент в Польше. С октября 1945 года уволилась в запас. Поступила в МГУ. В 1947 году, окончив два курса филологического факультета, вновь оказалась в армии, служила офицером отдела перелётов Главного управления ВВС. Окончив в 1953 году Военный институт иностранных языков, служила старшим референтом-переводчиком в 6-ом Управлении Министерства обороны СССР, занимавшемся ядерным оружием. В январе 1956 года Наталья Меклин вышла замуж за советского военного деятеля, организатора в области эксплуатации космических средств генерал-лейтенанта, лауреата Ленинской премии Юрия Фёдоровича Кравцова и взяла его фамилию.

Уйдя в отставку в сентябре 1957 года, Наталья Фёдоровна работала в информационном отделе Управления Генштаба Советской армии переводчиком-референтом, переводчиком, редак-

тором в Издательстве военно-технической литературы на иностранных языках.

В 1972 году была принята в члены Союза писателей, являлась членом Клуба Товарищей «Военного института иностранных языков Красной армии».

Наталья Кравцова — автор многих очерков и рассказов. Ею написано семь книг, посвящённых памяти своих боевых подруг-однополчан, в которых она правдиво рассказывает о подвигах лётчиц женского авиационного гвардейского полка в дни войны. Это повести: «От заката до рассвета», «В ночном небе», «Из-за парты — на войну», «За облаками — солнце», «Госпитальная палата», «На горящем самолёте», «Вернись из полёта!» (Сборник повестей «Вернись из полёта!» был удостоен медали имени Фадеева).

Наталья Фёдоровна Меклин (Кравцова) была неординарной личностью. Она любила классические литературу, музыку, балет, хорошие советские фильмы. Была патриотом своей Родины, готова была в любой момент встать на её защиту. Прошла славный и достойный путь от штурмана до лётчика, Героя Советского Союза.

Наталья Фёдоровна Кравцова скончалась 5 июня 2005 года. Похоронили её в Москве на Троекуровском кладбище.

РЅ: В сетях мировой паутины можно найти много всевозможной информации, интересной, весьма познавательной, увлекательной, правдивой, зачастую противоречивой и, к сожалению, в последнее время нередко фейковой. Казалось бы, с чего вдруг в данном повествовании об удивительной героической женщине-лётчице упоминаю заморское слово фейк? Безусловно, тому есть причина. Как-то в Интернете мне на глаза попала военная фотография Натальи Меклин в кителе, увешанном орденами, медалями и звездой Героя Советского Союза. На фото большими буквами написано: «Мисс Мира 1945 года». Видимо тот, кто писал эдакое, вкладывал несколько иной смысл в подпись, однако, не учёл, что ассоциации с самим конкурсом «Мисс Мира» весьма оскорбительны для лётчицы, героя Великой Отечественной войны, рисковавшей своей жизнью ради нас с вами, ради Отечества.

Конечно, Наталья и многие другие девушки, защищавшие Мир от коричневой чумы, достойны заслуженных наград и званий, но никак не звания «героинь от бикини». Что касается самого конкурса, то его придумал Эрик Морли (в 1945 году он работал в качестве импресарио танцевального развлекательного шоу на одном из телеканалов Би-Би-Си). Морли провёл первый международный конкурс красоты 15 апреля 1951 года в Лондоне. В основу сего развлекательного действа легли демонстрации купальных костюмов и дефиле модных нарядов.

Убеждена, что наша неувядаемая Память и есть самая высокая награда. И это вне всяких сомнений. Память о юной девочке, каждую ночь подвергавшей свою жизнь смертельной опасности ради Мира на планете, ради света солнечных лучей, ради простого человеческого счастья.

Память от поколения к поколению на многие годы вперёд. Вечная память Герою Советского Союза Наталье Фёдоровне

Меклин (Кравцовой).

Свейлана Наумова-Чернишова

С любовью от автора

Ефиму Николаевичу Глухову в 2020 году 25 декабря исполнилось бы 110 лет. Кажется, что только вчера мы вместе с ним выступали на одних концертных площадках, пересекались в школах, встречались в библиотеках, разговаривали по телефону. Его позитивное отношение к жизни, активность была известна в нашем городе. «Старость меня дома не застанет» — это как раз про него! Ушёл поэт из жизни в достаточно «зрелом» возрасте — на 102-м году жизни, воспоминания о нём не успели потускнеть от времени в моей памяти...

«Светлане юбилейный выпуск с любовью...». Я сейчас держу в руках сборник стихов и прозы Ефима Николаевича Глухова, книгу десятую (!), изданную автором к своему 95-летию, а мыслями возвращаюсь в день его 98 рождения. «Проставлялся» именинник в выставочном зале Центральной библиотеки. Среди приглашённых: библиотекарей, поэтов, сотрудников управления культуры, была и я. Тогда ему задали вопрос:

- Стоит ли отмечать, ведь дата не юбилейная?
- Стоит! Я уже в таком возрасте, когда у меня каждый год юбилейный.

Книга помечена 7 января 2006 года, и этот факт добавляет сочинению Ефима Николаевича дополнительную ценность. 7 января — день рождения моего первого поэтического наставника, Юрия Васильевича Петрова. На протяжении нескольких лет эта дата была для меня особенно значимой, наполненной ожиданием дружеского общения с интересными людьми, чудесами рождественских праздников, теплом домашнего уюта и, самое главное, возможностью находиться рядом с Юрием Васильевичем, наслаждаться его обществом. В доме руководителя литературного объединения и его гостеприимной жены Евгении Рафаиловны собиралась шумная, творческая компания. Много шутили, смеялись, устраивали сюрпризы, читали стихи и пели песни под гитару.

Поздравления и подарки получал не только виновник торжества, но и остальные гости не уходили с пустыми руками. Мы обменивались новогодними сувенирчиками и, конечно, книгами — наличие пишущей братии преобладало в собравшемся коллективе. Вот таким образом, и стала я счастливой обладательницей десятого сборника Ефима Николаевича...

— Ну что, поэты, всё спите? Одной позвонил — только встала, другой... Проспите всё на свете! — звучал добродушно-насмешливо голос Глухова на другом конце телефонного провода. — Я уже две грядки успел прополоть, позавтракал и стихотворение написал. Хорошо получилось. Вот слушай!

Иногда внимательно слушала, иногда вполуха, размышляя о чём-то своём. Важное, на мой взгляд, дело не в выстроенных им фразах, а в посыле, исходящем от его произведений, в энергии света, чистоте восприятия, радости бытия. События прежних лет он описывал, как очевидец, наблюдатель. Эмоционально по отношению к человеку и ситуации, но без токсичного сожаления об ушедших годах, утраченной юности, изменениях в стране. С отсутствием нравственных надрывов: «О времена, о нравы!», понимая и принимая реальность жизни, её неизбежные перевоплощения, движение. Думал об увиденном, жил новыми впечатлениями. Это – признак душевной молодости. Он был одним из главных достоинств столетнего человека. Замечательно написал об этой привлекательной черте Геннадий Николаевич Красников: «...в его коротких миниатюрах нет ничего старческого, дряхлого, он — молод, способен на озорство, на лирику далеко не в переносном смысле». (Литературная газета от 6 октября 2004 г., № 40).

И ещё — уверенность в себе, своих силах. Не в своей исключительности (хотя, в некоторой степени и в ней, без этого поэта не бывает), а в умении справляться с трудностями, решать поставленные задачи. Какими бы сильными не были дождь и ветер, но и они когда-нибудь заканчиваются. Это из области простой житейской мудрости. Таким он мне представлялся.

Я раз спросила Ефима Николаевича по поводу сомнений на свой счёт

— Нет, — сказал. — Никогда в себе не сомневался. Всегда был уверен, что со всем справлюсь. Мне и жена говорила: «Я с тобой

хоть в Сибирь, хоть на край света, ничего не боюсь, знаю, что нигде не пропаду».

И рассказал историю о том, как после войны выделили ему участок под строительство дома. Приехал он с женой и малолетними детьми из-под Курска. Поздняя осень, того гляди мухи белые полетят, надо скорее жильё сооружать. На скорую руку поставил стены прямо на голую землю, без фундамента: почва промёрзла, копать невозможно. На перекладины крыши положил толь. В ближайшие дни поднялся ураган, толь сорвало, закрутило в рулон и унесло к лесу. Тогда он привёз из колхоза несколько телег с подмёрзшим навозом и накидал его на крышу. С печкой тоже эпопея была, еле удалось раздобыть немного кирпича. Сложили небольшую, на трубу не хватило материала, и первую зиму печка топилась по-чёрному.

Весной новая беда — грунтовые воды поднялись, в доме «полы» по щиколотку в воде, тазы плавают. Навоз растаял, стал сквозь щели в крыше сочиться и вместе с опарышами сверху на стол, посуду, кровати падать.

Ничего. Пережили! Потеплело — новый надёжный дом принялся строить, деревья сажать.

«Я с детства любил сад, особенно в период его цветения и сбора урожая. Когда в 1947 году получил земельный участок, первым долгом я посадил яблони, когда ещё не было изгороди. На следующий год я ещё посадил, мне нравится сам процесс выращивания, поливать, опрыскивать, обрезать, белить и любоваться. К 1960 году у меня на 19 сотках было 52 яблони, 2 груши бессемянки, сливы, вишни, малина. Ежевика и клубника...»

Когда ты цветёшь, так сладко на сердце. Выйду я в сад и пою, Умру я, а ты после смерти Продолжишь жизнь мою...

(16.08.2004, Е. Глухов, «Выстрел»)

Каждого по характеру можно сравнить с каким-нибудь деревом. Основательного, крепко стоящего на ногах человека — с дубом. «Яблони в цвету» и «белоснежные вишни» ассоциируются

с женскими образами, кедр — с силой духа, сосна — со здоровьем и т. д. Подумала, с каким деревом сравнила бы Ефима Николаевича? И поняла — с садом. С деревьями, приносящими плоды.

Вспоминается он легко, с улыбкой и вовсе не потому, что его жизнь была легче, чем у остальных... Сад — метафора. Созданное и устроенное человеком энергетическое пространство, продолжающее существовать и после смерти в его детях, людях с которыми общался, сказанных и написанных словах, созданных образах, поступках. Это — путь, дорога длиной в целую жизнь. Большие вложения и неустанный труд. В первую очередь труд души. Огромный труд души. Особенно если он — с любовью от автора!

Александр Петров

Юрию Васильевичу Петрову

Свет глаз его, тепло его души Костром в ночи мне в час урочный стали. Он по-отечески благословил, Дав пропуск в поэтические дали.

Поправив «крылья» за моей спиной, Напутствовал: «Желаю Вам удачи!». Меня обдало радостной волной, И ликованье прорвалось щенячье.

«Корону предлагаю снять пока...» — Добавил, улыбнувшись, он устало. «Ещё от совершенства далека Работа Ваша. И труда немало

Придётся для шлифовки приложить. Готовы поработать, над стихами? Всё лишнее отсечь и удалить, Чтоб строк набор порадовал плодами!»

Мою гордыню разом остудил, Но такт имея, вовсе не обидел! Стихи по справедливости судил. Ведь, может быть, он что-то в них увидел?

Мне на плечо легла его рука. Ручьём в беседе утекали силы. Но, подтверждая статус мужика, Держался дед из Северной Пальмиры. Один лишь раз беседовал я с ним, Но навсегда запала в сердце встреча. Прошло с поры той десять долгих зим. Считаю, для меня он был Предтеча!

Костёл св. Анны в утреннем тумане

Туман-туманище накрыл костёл. Он ярким днём стоял кирпичным монстром, Но вот туман владенья распростёр, И он скукожился, стал меньше ростом.

Как бы сквозь вату колокол звучит, Шаги прохожих раздаются гулко, На башне ставень на ветру скрипит. Все эти звуки вязнут в закоулках

Кривых мощёных улочек окрест. Вокруг него они сплели орнамент. А над костёлом еле видный крест Вознёсся ввысь, как восклицанье — «Амен!»

Перекреститься тянется рука, Влекомая неведомою силой, И мысли, о содеянных грехах Всплывают из сознанья вязкой тиной.

Вхожу вовнутрь. Под куполом орган Торжественно звучит и величаво. «Аве Мария», песня христиан, В молельный зал стекает, словно лава.

Здесь вместо окон чудо витражи. За сотни лет стекло не помутнело, Но превратил туман их в муляжи, Как коконом накрыв костёл всецело.

Я впечатлён! Какая скрыта мощь Под этим сводом, благом осенённым! Безверие в нём тает, словно ночь, И грешный мир мне видится спасённым!

Солдат Ржевского мемориала

Склонивши голову в великой скорби, Он словно бы вознёсся над землёй, Солдат в поношенной армейской форме. Один из миллионов, в смертный бой

Вступивших здесь с фашистскою армадой. Она рвалась, безудержно, к Москве Уверенная, будет ей наградой Наш город главный, чрез неделю-две.

Края видавшей виды плащ-накидки Распались, превращаясь в журавлей. Они, курлыча, тают в синей дымке И ввысь уносят души сыновей

И дочерей России, павших в битвах. Бои под Ржевом шли пять сотен дней. Не сберегли их матерей молитвы, Но Русь жива ценою их смертей.

Гамзатов и Рождественский, Твардовский... Стихи, цветами из бетонных плит, Растут, как символ жизни, бесконечной, И реквием торжественно звучит.

* * *

Хлеба у леса встали жёлтой ратью, К земле склонив колосья налитые, В них васильки, как вышитые гладью, Глаза таращат в небеса седые.

Колышутся хлеба, подобно морю, В замедленном, каком-то дивном, танце, На зависть знаменитому танцору, Поблёскивая, будто бы на глянце.

А васильки стоят, не шелохнутся, В себя вобрав всю синь небес России Так тянет к их головкам прикоснуться, Наполнить душу чувством эйфории.

Их красота отрадна для мальчишки, Идущего на зорьке к сонной речке. Там, меж камней, резвятся пескаришки, И бьётся радостно его сердечко.

Восходит солнце из-за горизонта, День обещая, по приметам, вёдро, Песнь жаворонка раздаётся громко, Тропинкой пыльной он шагает бодро.

Кивком степенным, сознавая статус, Цветки ему своё почтенье явят. О, эти наши простота и святость! Но васильки, ей богу, не лукавят! * * *

Твоя улыбка радуге подобна! Она лучится нежностью, теплом, А вкусом, запахом, сдаётся, сдобна! И кружит голову, как старый ром.

В ночь беспросветную, к тебе дорогу Она мне освещает, как маяк. На отблески её веду пирогу В житейских бурях, в штормовых морях.

Она, случается, мелькнёт секундно, Но праздник целый день в душе царит. Она способна стол украсить скудный И даже мумию разговорить.

Горению костра, реки теченью Она подобна! Ей любуясь, в ней Без устали черпаю вдохновенье, Ищу, ловлю её в потоке дней.

На розу чайную она похожа. Пожалуйста, не дай завянуть ей! Как ты создал такой шедевр, о Боже?! Им ввергнут я в водоворот страстей!

Я за неё, на глупости любые, Иду последствий, разных, не страшась. Предупрежденья все — слова пустые. Такой весь мир не видел отродясь!

Елена Постоева

Моя кибитка

Я вожу в своей кибитке Всё, что важно для меня— Шорох усиков улитки... И восход... И радость дня...

Я беру с собой в дорогу Ожиданье новых встреч И чудес — совсем немного, Чтоб тебя, мой друг, развлечь.

Я вожу в своей кибитке Голос твой, как шум дождя, Как любовные напитки, Как жемчужинки на нитке, — Все слова, что той улитке Нашептал ты для меня...

Не поделить природу без остатка...

Не поделить Природу без остатка На разум наш, пусть острый и пытливый, В ней столько тайн, чудес, загадок сладких, А сколько бездн и вод неторопливых!

Планета наша сущностью богата, Её любя, Создатель потрудился — Назначил всем живым сердца из злата И в благородстве жить распорядился.

Познать все тайны мира невозможно, Открыл какую — новая прибудет. Ты ж отпусти Природу осторожно, Она в ответ лишь благодарна будет!

Зимний вальс

Морозный иней на окне Узоры чертит. Одна сижу я в тишине, А за окном призывно мне Поют и пляшут при луне Все круговерти.

То вьюга кружит и поёт, Как молодая. Зовёт сплясать, зовёт в полёт, И что ей холод, гололёд, — Вальсируя, летит вперёд, Совсем хмельная.

И я, взмахнув своим платком — Пушистым, белым — Кружусь уже под потолком, Лечу я к вьюге за окном... Она и я, — мы с ней вдвоём На свете целом.

Россиюшка

Ах, Россиюшка моя, ты Россия! Все невзгоды над тобой проносились! Сколько тяжести брала ты на плечи, Ну, когда же станет жить тебе легче?

Ах, Россиюшка моя, ты Россия! Я хочу, чтобы хлеба колосились, Я хочу, чтоб реки были прозрачны, Все дела твои, Россия, удачны!

Ах, Россиюшка моя, ты Россия! Сколько доблести в тебе, сколько силы! Поднимайся же, Россия, свободной, Лейся, песня, ты рекой полноводной!

Высоцкому

Душа на разрыв. И голос хрипит. А сердце ликует, а сердце болит. Но где же та грань, за которой рассвет? Как будто бы нет её, нет её, нет?..

А голос хрипит, и смолчать не даёт Тому, что в народе живёт и поёт. Пронзительно вдруг мы сумели понять, Как жить, что простить, а чего не принять...

А голос ревёт, а голос хрипит, Нам спать не даёт, болит и болит. Ведь только душою должны мы найти, Как жить, и себя как спасти нам, спасти...

Забота

Это совершенно удивительно, Как о нас заботится Вселенная, Как она относится рачительно К грешным нам, носящим тело бренное.

Пусть грешим, и пусть несовершенные, Всё ж душой мы к правде устремляемся, А Господь, благословя движение, Нас любя, тихонько улыбается.

Чуть касаясь нежною десницею, Направляет бег наш опрометчивый... И летим спокойно, будто птицы, мы, В небеса глядящие доверчиво.

Талина Сметанина

Декабрьский сюжет

В метельной дымке декабря Почти не виден след сапог, А я иду, почти паря, Прогулке находя предлог.

А снег летит навстречу мне, Метёт то в спину, то в лицо, Но я, спокойная вполне, Шепчу ему: «Ещё, ещё».

И вот уж день уйти не прочь, Едва его коснулась мгла. И пляшут тени, чуя ночь, Что незаметно полошла.

И расплываются черты, Увязшего в сугробе дня, И стали скверики пусты, Спокойствие берёз храня.

Улетает время

Грядущий день торопит время, Кружась над бездной вековой. Законам физики не внемля, Не ищет на земле покой.

И чуждое ему понятье, Что порастает всё быльём, Даёт нам право на участье Искать путь к истине вдвоём.

И с днём грядущим время сверив, Уйдём искать любви восход. Листва кружит, свой путь замедлив, А нам отмерил век Господь.

Всё не случайно

Высока планка жизни, а порой даже слишком, При попытке подпрыгнуть, подвергаемся рискам. На судьбу не ропщу я, не надеюсь на чудо, Безрассудство прощу я, а бездушье—не буду.

Жизнь ничто без упорства, зубы, сжав, поднимаюсь, Много будет препятствий, но в пути не сломаюсь. Бесконечности время—неизвестность и тайна. И понять мне пора бы, в жизни всё не случайно.

Ebrenua Munoba

«Сегодня главный день»

Сегодня 1 сентября — День знаний. Рано утром — звонок по телефону. Слышу голос моей внучки Ани: «Бабушка, ты знаешь, что у меня сегодня главный день, ведь я иду в первый класс! Приходи!»

Ну, как пропустить такой «главный день» в жизни моей внучки! Быстро собралась, сын уже едет за мной. По дороге успел заехать ещё за одной, приглашённой на «главный день» бабушкой Валей. И все приехали к первокласснице домой. Обняли и поздравили внучку с «главным днём» в её жизни.

Мама уже собрала ученицу. Новая форма надета, красивый бант на голове, букет цветов — для учительницы, ранец с книжками. «Ой, а шарики ещё не надуты. Папа, быстрей надувай!»

Последние приготовления. Фото перед выходом. Пора выходить. Уже время.

Хорошо, что школа — недалеко от дома. Сотрудник ДПС следит за движением около школы. Дальше не проехать. Но мы уже рядом. Чуть не опоздали. Площадь перед школой заполнена. Не сразу увидели табличку «1-а класс», с трудом протиснулись к своим. Мама Марина стоит позади Ани.

В этом году много детей отправляются в первый класс. Школа № 6 готова принять учащихся и первоклассников в новом учебном году. На ступеньках школы собрались: директор школы, представитель Администрации города Лобня по микрорайону Красная Поляна, депутат городского Совета депутатов, родители и сослуживцы Вячеслава Сахнова, чьё имя теперь носит школа № 6, который погиб в Чечне и который когда-то окончил эту школу.

Выступающие поздравили ребят с началом учебного года. Старшие школьники читали стихи, показывали театрализованные сценки. В завершение выпустили в небо разноцветные, воздушные шары. Ну, и конечно, прозвенел первый звонок. По традиции ученик одиннадцатого класса пронёс девочку-первоклашку с колокольчиком в руке по школьному двору.

Надолго запомнится первоклассникам этот звук колокольчика, зовущего к новым знаниям, достижениям и жизненным победам. А я вспомнила учительницу начальных классов этой старейшей школы нашего города Марию Алексеевну Перфильеву, недавно ушедшую из жизни. Всю свою жизнь она проработала здесь, воспитала не одно поколение детей, отдавая все свои знания, здоровье на то, чтобы её ученики выросли достойными гражданами нашей великой страны.

В добрый путь, первоклашки! Хороших вам учителей и добрых друзей!

Юбилей в городском Музее истории

22 мая в Музее истории города Лобня состоялось торжественное мероприятие. «40 лет — Музею истории города Лобня», — под таким девизом прошла встреча сотрудников музея с представителями Администрации и общественных организаций городского округа Лобня, депутатами и друзьями музея.

Со вступительным словом и поздравлением выступила директор Музея истории города Лобня Людмила Прокопьевна Лукина. О большом пути, который был пройден за 40 лет существования городского музея, организатором которого был Прокопий Яковлевич Колычев, наглядно рассказала сотрудник музея Татьяна Борисовна Рогова. В качестве друзей музея на юбилейном вечере присутствовали члены ЛИТО «Ладога» Евгения Титова и Елена Лешковцева. Те из пришедших, что были в своё время знакомы с П. Я. Колычевым, общались с ним, были причастны к развитию музея и стали друзьями музейного коллектива, поделились своими воспоминаниями.

Мне вспомнились 1981-1982 годы. Располагался городской музей тогда в трёх небольших комнатах первого этажа пятиэтажного жилого дома по улице Батарейной.

Я в те годы работала в Военно-учётном столе исполкома Лобненского Горсовета. К нам обратился Прокопий Яковлевич Колычев с просьбой помочь с проверкой списков красноармейцев, погибших в боях на Лобненском рубеже обороны Москвы в дека-

бре 1941 года. Тогда шли ожесточённые бои близ Красной поляны, на Пучковом поле, на подступах к переезду на Рогачёвском шоссе.

В нашем городе чтут память о героях, отдавших жизни, защищая Москву. Каждый год в Лобне проходят торжественные мероприятия с возложением венков и цветов к местам захоронений воинов, устанавливают новые памятники и стелы. А тогда, в восьмидесятые годы двадцатого века, мы только знакомились с именами тех, кто остался навек в нашей лобненской земле. Мы читали и сверяли эти бесконечные списки погибших, очень много было бойцов, которые родились до революции и даже до 1900 года.

Это движение увековечения памяти всех, погибших за Родину в Великой Отечественной войне, у нас в городе начал в те далёкие годы Прокопий Яковлевич Колычев, участник этой страшной войны. Он встречался с ветеранами войны, офицерами запаса. В те годы он познакомился и с Юрием Васильевичем Петровым, офицером запаса, блокадником, который впоследствии основал литературное объединение «Ладога».

Тогда, в 1980-е годы, стал собираться коллектив единомышленников. Появился в городе Союз офицеров запаса и Совет ветеранов ВОВ, инициатором создания и организатором которого стал П.Я. Колычев. Началась активная ветеранская работа. Проводились встречи ветеранов, торжественные и праздничные мероприятия. П.Я. Колычев был инициатором создания в нашем городе Хора ветеранов войны, который плодотворно работает и сейчас, представляя наш город на различных фестивалях и конкурсах хоровой песни, занимает призовые места.

Таким я запомнила нашего земляка Прокопия Яковлевича Колычева, сделавшего так много добрых дел. Город оценил заслуги этого человека, присвоив ему звание Почётного гражданина города Лобня, его именем названа улица рядом с городским Музеем истории, который расположился в новом здании. Благодаря сотрудникам музея и его директору Л. П. Лукиной, продолжается дело, начатое П. Я. Колычевым. В музее проводятся торжественные мероприятия, встречи с ветеранами, с учащимися школ, поэты проводят литературные встречи, музей посещают делегации из России и даже зарубежья. Пополняется фонд экспонатов музея.

А в этот юбилейный день коллектив Музея истории города Лобня принимал поздравления и подарки от представителей Администрации г. о. Лобня, общественных организаций и друзей музея. Сотрудникам были вручены грамоты и благодарственные письма. Было много цветов. Звучали стихи и песни, с которыми пришёл поздравить всех народный коллектив «Тынды-Рынды». Все собравшиеся пожелали коллективу музея дальнейших успехов и процветания.

Встречи со школьниками продолжаются

19 октября 2019 года в лобненской школе № 8 состоялась встреча ветеранов г. Лобня с учащимися 6-го класса. На встречу были приглашены члены литературного объединения «Ладога» Сергей Борисов и Евгения Титова. Ребята получили много интересной информации о событиях, произошедших на территории нашего города (тогда он и городом ещё не был) в декабре 1941 года, когда именно краснополянская земля стала последним рубежом на подступах к Москве, враг здесь был остановлен, и наши войска перешли в наступление.

Много бойцов-красноармейцев осталось лежать на Пучковом поле. «Когда в сорок первом, в декабрьские дни, в снегу, словно звёзды, горели огни. То были тревожные, алые блики. То были в снегу и на теле гвоздики». Это отрывок из стихотворения Юрия Васильевича Петрова. И теперь, когда мы приносим эти ярко-красные цветы к обелискам, к местам захоронения бойцов, сражавшихся за освобождение нашей земли от фашистских захватчиков, имена которых высечены на гранитных плитах, мы вместе с ветеранами вспоминаем те горячие дни морозного декабря 1941 года.

О своей военной юности рассказала школьникам Тамара Васильевна Колпакова, Почётный гражданин города Лобня, участник Великой Отечественной войны. После освобождения родного города нашими войсками в 1943 году мама Тамары поступила на службу в банно-прачечный отряд при действующей армии. Вместе с другими женщинами она стирала солдатское бельё,

а маленькая Тамара помогала, чем могла: штопала, пришивала завязки к рубашкам.

Нелёгкими были эти два года. Так вместе с советскими войсками они дошли до Берлина. Здесь, в Германии, уже повзрослевшая девочка пошла учиться в школу, в первый класс. Наступила долгожданная Победа. Бойцы получали награды. И так как они с мамой служили в действующей армии, то маленькой Тамаре также вручили медаль «За Победу над Германией», которую Тамара Васильевна всегда с гордостью надевает, когда идёт на встречу с учащимися в школу.

Надежда Ивановна Яровикова рассказала о своей работе в городской организации «Дети войны. Память», а также поделилась воспоминаниями о своём отце, который погиб в бою на подступах к Ленинграду, защищая город и его жителей от фашистов. Она рассказала школьникам, как во время войны такие же подростки, как они, работали круглосуточно на заводах, изготавливая на станках детали для фронта, заменяя своих отцов, старших братьев, ушедших на фронт. У нас, на лобненской земле, в 1941-м году женщины и подростки копали глубокие многокилометровые окопы, создавали противотанковые рвы, чтобы вражеские танки не могли прорваться к Москве.

Учащиеся внимательно, с интересом слушали рассказы ветеранов о войне, о которой они могли узнать только по фильмам, из книг. А здесь живые свидетели тех страшных событий рассказывали о том, что происходило с ними или с их родными. За сорок пять минут трудно охватить множество событий, связанных с воспоминаниями о войне. Людская память не имеет границ...

Военную тему продолжили члены ЛИТО «Ладога». Ребята услышали стихотворение Юрия Петрова «Гвоздики». Сергей Борисов прочёл стихотворения «Сибиряки» и «Защитникам Москвы», а также исполнил под гитару лирическую песню на свои стихи. А в завершении все вместе спели знаменитую песню «Катюша», часто звучавшую в военное время.

В благодарность за интересную встречу учащиеся преподнесли ветеранам цветы. Учебный год только начинается. Впереди ждут новые встречи в других школах города, новые воспоминания, новые рассказы...

«Люди России, склоните знамёна...» Встреча в музее города Лобня

В 2016 году Музей истории города Лобня переехал в новое здание по адресу: улица Жирохова, д. 2. При этом его местоположение не утратило исторической значимости, так как музей находится рядом с Рогачёвским шоссе, где во время войны на ближних подступах к Москве проходила линия обороны. Рядом парк в честь участников обороны и зенитное орудие, остановившее врага в декабре 1941 года.

Три просторных зала вмещают множество ценных экспонатов, многие из которых в прежнем маленьком помещении хранились в запасниках музея. Правда, некоторые экспонаты, книги, вещи ещё ждут своей очереди, чтобы украсить просторные, светлые залы, которые теперь смогут принимать большие группы жителей нашего города и гостей, желающих прикоснуться к истории и культуре Лобни и входящей в состав города Красной Поляны.

В залах обновлённого музея проходят культурные мероприятия, презентации новых книг лобненских авторов, проводятся творческие вечера. В первый месяц этого года жители нашего города побывали на творческом вечере члена Союза писателей России, руководителя литературно-поэтической студии «Глагол» Ларисы Ивановны Токун. Больше часа Лариса Ивановна читала наизусть свои стихи, посвящённые известным лобненцам, заслуженным людям, которые, каждый по-своему, внесли вклад в развитие нашего города и которых в Лобне знают почти все. И такие встречи будут продолжаться.

В эти дни проходят мероприятия, посвящённые 73-й годовщине снятия блокады Ленинграда. Их осталось совсем немного — жителей блокадного Ленинграда — людей, которые совершили беспримерный подвиг, защищая свой город, и, несмотря на беспрерывные бомбёжки, голод, холод, смерть, отстояли родной Ленинград. Как сказала председатель лобненского отделения Московского областного общества блокадников Ленинграда Галина Петровна Журкина, в Лобне на учёте стоит всего 13 человек, одна из них проживает в Москве у своих родных. Многие уже не выходят из дома, поэтому не могут присутствовать на таких мероприятиях.

1 февраля в новом помещении Музея истории города Лобня состоялась встреча учащихся седьмых классов лобненской школы № 7 с членами общественных и ветеранских организаций. Мероприятие было посвящено 73-й годовщине полного освобождения Ленинграда от блокады. В нём приняли участие члены литературного объединения «Ладога».

Собравшихся в зале приветствовала директор Музея истории города Лобня Людмила Прокопьевна Лукина. Вначале был показан фильм, снятый ТРК ЛОБНЯ, посвящённый блокадным дням. Страшные документальные кадры рассказывали о трудностях блокадного времени. 125 граммов хлеба в день на человека. В хлеб добавляли опилки, жмых, варили столярный клей. Самое трудное время было зимой, когда к голоду добавлялся лютый холод. Очереди за водой из речки, очередь за хлебом по карточкам занимали с ночи, за эвакоудостоверениями стояли на холоде по несколько дней. Разве можно было выжить?

Но ленинградцы выжили, заводы работали на оборону, в театрах шли спектакли и концерты. Город продолжал жить и бороться. Враг не смог сломить наш русский дух. Как сказал поэт Юрий Петров: «Он — гордость наша — Русский мощный дух! И в мире нет несокрушимей крепи. Гордись, Россия, им. Гордись, мой друг! Он разорвал блокады страшной цепи!»

Обо всём этом рассказано в фильме, в интервью, взятом у Юрия Васильевича Петрова, жителя блокадного Ленинграда, который подростком вместе с семьёй пережил трудные блокадные дни и ночи, бомбёжки, голод, холод и прожил долгую, интересную жизнь, где была и служба в рядах Советской армии, и мирная жизнь, и любовь, и признание.

Но главным в жизни стала поэзия. Юрий Петров при поддержке Управления культуры в 1996 году основал в Лобне литературное объединение «Ладога». И, конечно, в такой день прозвучали стихи из блокадного цикла Юрия Петрова. Теме блокады были посвящены и стихи сегодняшних «ладожцев» Татьяны Чегловой, Галины Сметаниной, Евгении Шаровой, Галины Дриц. Стихи своего мужа — поэта Анатолия Можаева, бывшего фронтовика, прочла Раиса Камушкина.

У «Ладоги» есть верные друзья. Уже не первый раз в наших совместных встречах принимают участие учащиеся театральной студии при Школе искусств города Лобня Анна Молчанова и Милена Домингес. Девочки прекрасно продекламировали стихи, посвящённые блокаде.

Пришедшим в музей учащимся-семиклассникам задавались вопросы на тему о блокаде, а также, почему литобъединение в Лобне названо «Ладога». И ребята очень верно и точно отвечали. Чувствуется, что в школах тема патриотизма, защиты Отечества, уважения к ветеранам стоит не на последнем месте.

В завершение вечера прозвучала запись песни «Гимн блокадников» на слова Ю. В. Петрова в исполнении автора музыки Болеслава Войшко. Под колокольный звон все встали, чтобы почтить память погибших не только в блокаду, но всех, кто отдал свои жизни за мирное будущее, за нашу жизнь.

Люди России, склоните знамёна. Над Пискарёвским плывёт перезвон... Это, восстав со священного лона, Спавшие вечно прервали свой сон...

Люди России, склонитесь главою Перед живыми, кто был в том кольце, Перед тяжёлой блокадной порою, Ставшей над миром в геройском венце.

Mainigha Vernoba

Память!

Нет, не забыть нам той войны, Мы эху прошлого верны. Незрима поколений нить, Мы будем сердцем говорить. На главной площади парад, И в память об ушедших Сердца тревогою стучат, О днях давно прошедших. Знамёна доблести несут Все поколенья вместе. Победный, праздничный салют – Долг мужеству и чести! У времени нет глубины, В сердцах не гаснет пламя, У обелисков всей страны Победы реет знамя!

Город Лобня — наша гордость

Город Лобня, гордость наша, Память прошлого хранит, Подвиг воинов бесстрашных До сих пор в сердцах стучит. Луговая и Катюшки И киовских лип стволы Помнят, как гремели пушки В снежном мареве зимы. Помнят люди, не забыли Героический рубеж, Здесь фашисты не пробили

В обороне Лобни брешь. Высоко взметнулась стела, Низко голову склони. Нашей скорби нет предела, В душах подвиг сохраним. Он навечно будет с нами, В каждом сердце, каждом дне, Не померкнет эта память. Будет жить в тебе, во мне.

У обелиска

Блестит звезда на обелиске, А ниже чуть — погибших списки Тех, у кого был медальон, С запиской, где родился он. А неизвестных сколько здесь, О ком не лолетела весть! Парят над обелиском птицы, Скорбят пришедших, молча, лица. И с непокрытой головой Стоит старик, совсем седой. В медалях, орденах вся грудь, Прошёл он до Берлина путь. Скользнула горькая слеза, Прикрыл герой платком глаза, И слышал лишь зелёный дол: «Я здесь, ребята... Я пришёл...» Притихли шумные дубравы, Склонились низко даже травы, Романки зажелтели в поле. Вот если б не было той боли... Всем отдаём сегодня честь, Погибших нам не перечесть, Но помнить каждого нам надо, Им память, высшая награда!

Бессмертный полк

Когда настал час роковой, Взрывали тишь раскаты, Непробиваемой стеной Вставали в строй солдаты. И стар, и млад шёл в смертный бой, Не гнулся перед немцем, И каждый жертвовал собой, Своим отважным сердцем! Российский не сломить народ -Запомнил враг отныне: Кто к нам с оружием придёт, Тот от него и сгинет. И в майский день звучит салют В честь каждого солдата, Герои снова в бой идут, И слышен зов комбата. Они сегодня с нами тут, На фото перед боем, Портреты правнуки несут, Чеканя ногу, строем! По главной площади пройдут Под звучный марш Победы, Смотрите, вот они идут – Сыны, отцы и деды!

Евгения Шарова

Лобне

Город детства и юности, город моей души... В нём всегда хорошо, в нём гуляет попутный ветер. И ему не к лицу суета и столичный шик, Он — простой и понятный, и самый родной на свете.

Лобня — город, вернувшись в который из дальних стран, Понимаю всем сердцем, что вот, наконец, я дома. Можно в горы подняться, исследовать океан, Но стремиться сюда, где до чёрточки всё знакомо!

Здесь друзья и родные, конечно же, помнят, ждут... Лобня — искорка света, жемчужинка Подмосковья. Ты — отчизна моя, мой причал, от невзгод приют, Где бы я ни была — согреваешь своей любовью!

Битва за Москву

Москва... Она была так близко, Как самый лакомый кусок! «Один прицельно-меткий выстрел, Один короткий марш-бросок, И вот она, рабой покорной, Падёт передо мною ниц...» — Так думал враг и в думе чёрной Шагал по лучшей из столиц: Топтал сапог её брусчатку, Сбивались звёзды и гербы. Зло наводило здесь порядки — Кто должен жить, чему где быть...

И вот, когда уже был повод Считать, что всё в его руках, Обычный подмосковный город Вдруг вырос на пути врага. — Точнее — маленький посёлок, Типичный для большой страны... Простой, рабочий и весёлый — Таким он был до той войны. Цвели тут яблони и вишни, И мирно протекала жизнь... Вдруг неприятель здесь услышал Негромкое: «Остановись!..»

Но, в предвкушении наживы, Не внял предупрежденью враг... Собрав всё мужество и силы В единый яростный кулак, Сражались, не жалея жизней, Бойцы. А с ними наравне Солдатом был здесь каждый житель! Стал саваном фашистам снег...

Проходит время быстротечно И Лобню не узнать сейчас! Но благодарность будет вечной Тем, кто её когда-то спас. Лежат цветы у обелисков, Победно реет красный флаг! Москва... Она отсюда близко... Но здесь был остановлен враг!

Искры вдохновения

Поэты знают — так порой бывает: Ни мысли, ни идеи, ни-че-го... Как будто вдохновенье покидает, Осиротив, оставив одного...

Но, вакуум безстишия нарушив, Внезапной вспышкой яркого огня, Возникнет слово и разбудит душу. И рифмы вновь набатом зазвенят!

Мелькнёт Жар-птицы дивной оперенье, Одно перо опустится в ладонь... Жизнь так скучна без искры вдохновенья. Так пусть горит поэзии огонь!

Шли они...

Шли они по аллеям парка, Шли в объятиях снегопада. И она объяснить пыталась То, чего объяснять не надо: Что хрустально надтреснут голос, Если вслух произносит имя... Что в толпе равнодушно-серой Для неё без него – пустыня... Что в глазах её гаснут звёзды, Если им предстоит разлука... То, что рядом с ним не пугают Ни морозы, ни злая вьюга... Он молчал, понимая сердцем, Что она для него – награда... Шли вдвоём по аллеям парка... Шли в объятиях снегопала...

Случайное чудо

Московское сонное утро... Час пик в метро... Хмурые, нервные, полубольные лица, И только попробуй случайно кого-то тронь — Сразу узнаешь кто ты и что ты за птица! Редко услышишь искренний чей-то смех... С ветки на ветку по переходам гулким Перелетаем... И снова спешим наверх, Чтоб раствориться в узеньких переулках...

Вдруг среди шума и утренней толчеи — Звуки мелодии... скрипка в руках девчонки Плачет, смеётся... или же замолчит... Или роняет нот золотых осколки... И, подчиняясь ритму звенящих струн, Словно стряхнув забот бесконечных бремя, Каждый на этот миг стал душою юн... И замерло заворожённо время.

Юная девушка — маленький хрупкий эльф, Нет в ней на первый взгляд ничего такого... Интуитивно знает один секрет — Как покорить толпу не сказав ни слова... Вторит биению сердца стук колёс... Грезится что-то, что, может быть, только будет... Скрипка умолкла, но каждый с собой унёс Воспоминанье об этом случайном чуде...

Альбина Янкова

Сонеты путешествий

* * *

Созвездия вычерчивают знаки. В пустыне Гоби звёзды далеки, Гряды холмов — задумчивые яки, Ветра всегда бесстрастны и горьки.

Орбиты юрт далёкого аймака, Где каждый, как воинствующий гунн, И обода колёс, а может лун,

На плоскости небесной зодиака. Шаманский бубен мне не по нутру, Но как я память изнутри сотру?

И вот бегут лохматые собаки С открытой пастью, брызгая слюной, Куда от них мне скрыться, бедолаге? Пустыня Гоби, а хочу домой....

* * *

Отсюда до Киммерии никак, Солёных брызг никто на вкус не знает, Зажав в горсти, песчинками играет Похожий на луну один чудак.

На плодородных землях сеют рис — Не здесь, в других неведомых просторах, А тут козлы да тарбаганы в норах. Шаману свято верят, не Идрис. В песчаном море каменные рыбы Простят неверие и грех обиды.

Но солнце жалит, как укус пчелы, В порывах ветра звуки моринхура А ночью не спасет и волчья шкура, Вот оттого все лики и смуглы.

Крымский сонет

Вид неба звёздного меня пленит. Пред космосом и океан, что блюдце, Но я хочу песчинкою вернуться Туда, где след моих шагов хранит

Песок на берегу лишь до прилива. Рассвет над морем призрачно красив, Полёт бакланов, чаячий курсив.

В тугой лозе, пусть оживает Крым, По горным тропам бродит пилигрим, И зреет пусть зелёная олива.

По берегам — тропинки и дороги, Рождаются из пены, словно боги, Искатели преданий, древних рун, Алхимики душевных, тонких струн.

Экзотический триптих

Дурной туман от жёлтого Меконга, Притоком Тонлесап, где лотос дивный Вбирает серебро горячих ливней, Дурной туман от жёлтого Меконга.

Фигурки Апсары из жёлтых бивней, И резкий крик застывшего геккона,

Дурной туман от жёлтого Меконга Притоком — Тонлесап, где лотос дивный

Меняет карму красотой так тонко, Серебряная пагода Камбоджи, Ремни и сумки из змеиной кожи, Невиданный улов на леску донки,

И геноцида страшные примеры, И чуждое исповеданье веры.

* * *

И чуждое исповеданье веры, И пальмы экзотические гребни — Всё это словно сказочные дебри И чуждое исповеданье веры.

Жара, король, дворец, вассалы, кхмеры — Все кажутся мне в мире том враждебны,

И чуждое исповеданье веры, И пальмы экзотические гребни.

Удушливое солнце... Кампучия... Простой гамак для отдыха-ночлега, О Рождестве острее ностальгия. Здесь никогда не будет в жизни снега,

Здесь превалирует огня стихия, Языческие знаки оберега. * * *

Языческие знаки оберега, Львов золотых растрёпанные гривы, Имеет право каждый быть счастливым, Языческие знаки оберега.

Усталость топит солнечная нега, Надежды неоправданы и лживы.

Языческие знаки оберега, Львов золотых растрёпанные гривы.

Всё музыкой вселенской Литургии Объято и повито дивным светом, Его частица в каждой Панагии, Где вечная зима и вечно лето.

Ничто не утешает, кроме Бога, Иду к Христу, но как трудна дорога...

Ομα живы в нашей памяти

Василий Луговской-Лесковский

Ефим Глухов

Анатолий Можаев

Мария Перфильева

Автандил Кукин

Василий Луговской - Лесковский

(1945-2019)

«Я иду дорогой пыльной...»

Я иду дорогой пыльной По родимой стороне: Всё здесь дорого и мило, Всё по-русски, всё по мне.

Лента серая дороги Не спеша уходит в даль; Нет сомнений, нет тревоги, Только светлая печаль.

Ветерок колышет травы, Птицы возятся в кустах, Свод небесный величавый В лёгких белых облаках.

Шёлк полей да перелески, Тишь и благодать окрест, Да церквушки деревенской За пригорком виден крест.

Мы с дорогой помаленьку На пригорок взобрались: Избы тихой деревеньки Вниз по склону разбрелись.

Через реченьку — мосточек, А за речкою — луга, Там стада на травах сочных, Сено собрано в стога.

Высоко стоит пригорок, Видно далеко кругом; Ой, вы русские просторы, — Рана на сердце моём.

Без конца просторы эти, Необъятна ширь полей; Не отыщешь в целом свете Лучше родины моей.

Equin Tryxob

(1910-2013)

Поклонись природе

Предо мной село родное, там в реке хорош улов. Пахнет сено луговое, свист во ржи перепелов.

На курорт не надо ехать. Стоит окна распахнуть — и раскатистое эхо ободряет вашу грудь.

Фрукты, овощи поспели, вкусным соком налились. Поднимись скорей с постели да природе поклонись!

Аллея на Букинском шоссе

Стоят дома один другого выше, А вдоль дороги дремлют тополя. За ними жить спокойнее и тише, Под ними спит священная земля.

Здесь памятник поставили солдатам: Курган земли и пушка Шадунца. Здесь все поля, цветущие когда-то, Изрыты ливнем смертного свинца.

Здесь ежегодно тополь серебристый, Словно солдат в шинели боевой, Напоминает нам разгром фашистов В суровом сорок первом под Москвой.

Надёжность

Жизнь, как конь по полю мчится, И виляет, и кружит, А душа всё ввысь стремится И, как сокол, хочет жить.

И с небес окинуть взглядом, Кто остался на земле, Кто с тобой кружится рядом В необъятной вышине.

Видеть, как струится речка, Убегая в тишину, Слышать, как стучит сердечко, Чуя каждую волну.

С высоты всё видеть можно — Речки рощи и поля, Но для жизни всё ж надёжней Только матушка-земля!

Abinangua Kykun

(1937-2021)

Молитва

Молясь, беги путей лукавых, Чти Бога и не спорь с глупцом

Если за дело взяться пора, А ты не знаешь, что делать с утра — Встань на молитву. Время идёт, а решения нет, И ты не можешь найти ответ – Встань на молитву. Если на сердце твоём тяжело, И ты хочешь, чтоб отлегло – Встань на молитву. Если предал единственный друг, Ты не ищи утешений вокруг — Встань на молитву. Если обиду терпеть нет уж сил, Ты у Бога совета спроси — Встань на молитву. Если ты чувствуешь тяжесть грехов, И нет избавленья от этих оков — Встань на молитву. Если потеря так тяжела, Что больше жизнь уже не мила — Встань на молитву.

После прощёного воскресенья

Готовится душа отринуть плоть...

Я выполнил своё предназначенье И сделал в этой жизни всё, что мог. Полвека пронеслось в одно мгновенье — Теперь меня зовёт иной чертог.

Покину мир я с лёгкою душою, Простил я всех; быть может, и меня Простили все, живущие со мною; Уйду, не упрекая, не виня...

И с грустью лёгкой взгляд последний кину На этот лучший изо всех миров, Надеюсь видеть райскую долину, Где душам есть простор, полёт и кров.

* * *

Из-под спуда эпох извлекая метафоры предков, узнаём, кто мы есть и кем будем потом; мы правдивой истории жаждем, а не чьих-то заумных объедков, и мы знаем свой путь, тот, которым пойдём.

Анатолий Можаев

(1926-2009)

Храм без крестов, 1942 год

Годы войны. Страх и слёзы людские, С детства покинутый дом, Жизни кусочек военной России Вспыхнул вдруг в сердце моём.

Вечер, мороз, спят в сугробах домишки, Храм без крестов и дверей. В храме — девчонки, курсанты-мальчишки, Стайки безусых парней.

Свет от лампадки печально мигает, Лики на стенах, покой. Грустную песнь на баяне играет Старый голодный слепой...

Стало теплей, и душа замирает, Сказочных звуков полёт, Русская песня, такая родная, В поле, к ромашкам зовёт.

Вот и любимые чудо-берёзки, Словно пришли из весны. А на глазах у курсантиков слёзки Страшной, проклятой войны.

Храм без крестов. В небе зарево, вспышки, В пламени Родина-мать. В Храме клянутся курсанты-мальчишки Жизнь за отчизну отдать.

Мария Перфильева

(1936-2016)

Воспоминания о военном детстве

К началу войны мне не было и пяти лет. Помню тот день, когда фашисты сбросили на наш рабочий посёлок бомбы. Было ранее утро, все спали, раздался страшный грохот. Все — мои родители, братья — убежали в подвал дома, а я осталась одна, стоя на стуле в ночной рубашечке. Родители подумали, что меня возьмёт мой брат, а он решил, что меня взяли родители. Помню, стою я на стуле, громко плачу, надо мной электрическая лампочка. Вскоре прибежал мой брат Николай, схватил меня, и мы направились в подвал дома $\mathbb{N} 2$ (так называемая казарма), где жили рабочие фабрики. Теперь это дом $\mathbb{N} 2$ по улице Спортивной.

До прихода немцев в Красную Поляну хлопкопрядильная фабрика срочно готовилась к эвакуации в Казахстан в город Пахта-Арал. Эвакуировались и рабочие с фабрики вместе с семьями. Мои родители отнесли необходимые вещи и продукты, какие были в доме, в товарный вагон. Этот вагон был выделен только для семей. Старший брат вместе со школьниками- комсомольцами в это время участвовал в отрывке противотанкового рва, ему было 17 лет. Итак, вещи уложены, родители взяли меня и брата Станислава (ему было 13 лет) и отправились к поезду. Мы спешили на посадку, а на улице уже раздавалась стрельба — немцы ворвались в Красную поляну. Я помню, все бежали, я была у отца на руках. Состав уже тронулся, а машинист крикнул, чтобы отставшие ждали другого поезда. Так мы остались без вещей, без продуктов. В суматохе у меня свалился и потерялся валенок, никто этого не заметил.

Недалеко был жилой дом № 103, теперь это дом № 4 по улице Текстильной. Мы в него вбежали и спустились в котельную. Там было уже много народа, видимо жильцы этого дома. Отец с нами не остался, а срочно убежал в райком, где были собраны все мужчины нашего посёлка.

Посреди котельной была куча угля. Меня посадили на эту кучу, так как свободного места не было. Было очень холодно, я заболела, у меня поднялась высокая температура. От угля я вся была чёрная. Воды нет, прошу пить. Кто-то дал маме маленький чайничек. Брат выбрался ползком из дома и около подъезда набрал снег. Потом мама долго согревала этот чайничек в руках, чтобы снег растаял. Воды оказалось совсем чуть-чуть, да и то вся чёрная от пороха. Сидели несколько дней. Голова моя стала покрываться болячками от холода, голода и грязи. Когда немцев отогнали, мы вернулись в свою комнату. Дверь была открыта, ящики из буфета кто-то взял, видимо истопил. Посуды не было, одежды никакой, но самое главное - не было никаких продуктов. Брат Станислав увидел на улице убитую лошадь, а рядом лежал убитый фашист. От шинели этого немца он отрезал кусок сукна, и мама сшила мне так называемые сапожки. Утеплить их было нечем, поэтому они были очень тонкие, быстро прохудились и из них сверкали мои голые пятки. Однажды брат нашёл половинчатую деревянную ложку. Мама раздобыла где-то немного повала (отходы от переработки зерна), добавляла его в кипящую воду и мы с братом по очереди ели эту похлёбку половинчатой деревянной ложкой, из которой часть еды выливалась обратно в миску.

Отец наш был на фронте, брат Станислав пошёл учиться в ремесленное училище в городе Щёлково. Старший брат Николай смог догнать в Бескудниково тот состав, в котором мы должны были эвакуироваться. Он увидел, что наш вагон весь испещрён пулями и осколками — такой сильный был обстрел, даже погиб один рабочий. Вместе с составом брат уехал в Пахта- Арал, откуда добровольцем ушёл на фронт. Из Пахта- Арала брат прислал мне мою куклу.

Но вскоре стала болеть мама. Она опухала от голода, получила воспаление лёгких и её положили в нашу Краснополянскую больницу. Я осталась одна в комнате. Здесь мне совсем стало плохо — одной страшно, света не было, есть нечего, мне только пять лет. В нашем коридоре было 12 коммунальных комнат. Кто-то из соседей давал мне кожуру от картошки, которая была сварена в мундире. Кто-то давал лепёшку из картошки, которую люди собирали

на поле после мороза. Она была вонючая, горькая. Но я выжила, дождалась маму из больницы.

Наступила весна. Стали ходить по краю леса, собирали кислицу. В лес ходить боялись, там было много неразорвавшихся снарядов и мин. Крапивы нам не доставалось, её кто-то обрывал раньше нас, но мы с мамой собирали лебеду, и она варила её как щи. А когда маму положили в больницу ещё раз, меня взяла на время в свою семью тётя Люба.

В 1944 году я пошла в школу в 1-й класс. В классе было холодно, поэтому мы сидели в пальто, в варежках, чернила замерзали в чернильницах. Техничка тётя Таня растапливала печку, и к обеду чернила согревались, мы — тоже. Тетрадей у нас не было, а мне несколько штук тетрадей в линеечку прислал брат Николай с фронта.

Помню, когда подходила к школе, всегда стоял запах варёной картошки. Эту картошку давали детям, отцы которых погибли на фронте.

Однажды мы с мамой увидели в Москве девочек в школьной форме. Приехав домой, мама заказала портнихе сшить мне школьную форму, тогда уже можно было купить материал. Когда я впервые пришла в школьной форме, директор Блинов С. С. выстроил ребят на линейку, поставил меня перед ними и сказал, что скоро у всех школьников будет такая форма.

Во время подготовки данного издания пришло печальное известие: на 87 году жизни скончался поэт, член Союза писателей России, один из первых членов ЛИТО «Ладога» Владимир Полуэктович Беликов...

Поэты не уходят в никуда...

Памяти Владимира Беликова

Известие о кончине Владимира Беликова прозвучало неожиданно, несмотря на то, что, конечно, знала о его недуге.

Печаль от ухода человека, с которым немало было связано творческих путей пробудила воспоминания, заставила заглянуть в книжный шкаф, где среди многочисленных книг находится книжица с лирическим названием «О чём свистели свиристели». На форзаце подпись с автографом, дата: «Галине Мамонтовой, талантливой поэтессе от собрата по перу в память о совместных выступлениях. 31.10.2005 г.».

Книга вышла осенью 2005 года. Весной этого же года, в мае в Центральном Доме Литераторов на Большой Никитской, д. 53, в Малом зале прошёл наш совместный творческий вечер. В афише заявлено: «Творческий вечер поэтов Галины Мамонтовой и Владимира Беликова "Когда в город приходит весна"».

Конечно, неслучайно, я предложила именно Владимиру Полуэктовичу принять участие в литературном мероприятии вместе со мной — стихотворения его лиричны, мелодичны, на многие написана музыка. Вечер прошёл тепло и душевно. Было много гостей, друзей, любителей поэзии. Тогда все ещё были живы: Николай Павлович Плевако, Валентина Волошина, Владимир Беликов...

Владимир Беликов... Писал он много, разнопланово. В своё время Николай Павлович Плевако говорил: «Знаю Владимира Беликова, как человека настроения с ясным, простым языком народного склада...»

А как Владимир Полуэктович декламировал свои стихотворения — с чувством, эмоционально! Перелистываю страницы кни-

ги, вспоминаю... И, словно, слышу его голос:/По капиллярам, по капиллярам/Бью беспощадно холодной водой!/Чтобы надолго, чтобы задаром/Был организм у меня молодой!//

Он умел подмечать прекрасное даже в малой садовой маргаритке, воспевая прелести чудо-цветка:/У дорожки в саду,/У калитки/Маргаритки цветут,/Маргаритки! // Не страшны ни жара, ни мороз,/Я смотрю им в глаза озорные,/Что близки мне до радостных слёз/И милы, как сестрёнки родные. //...

Он любил жизнь, умел радоваться каждой прожитой минуте, и желал каждому прочувствовать эту радость.

Хрупкое счастье у всех нас, по сути — Не загубите его на корню — Радуйтесь жизни, каждой минуте, Каждому часу и каждому дню.

Жизнь не цените в одной лишь валюте, Не предавайте святыни огню — Радуйтесь жизни, каждой минуте, Каждому часу и каждому дню.

Именно жизни, без грязи и мути, Зло исключите из ваших меню — Рады вы будете каждой минуте, Каждому часу и каждому дню!

Он никому не причинял неудобств, он писал стихотворения, многие из которых становились песнями. Он — поэт.

Поэты не уходят в никуда, память о них остается в их книгах, стихах, песнях...

Галина Мамонтова

Чайки над Лобней

Сборник литературного объединения «Ладога» Выпуск десятый

Рабочая группа:

В. М. Кузнецова

Л. В. Королёва

Г. В. Леонтьева

Л. В. Литвинова

Г. В. Мамонтова

Е. Н. Постоева

Е. Р. Титова

Е.А. Шарова

А. Ю. Янкова

Корректор — Е. В. Башарова Верстальщик — М. Р. Магомедова

Подписано в печать 14.09.2021. Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11. Тираж 300 экз. Гарнитура «NewtonC». Заказ № 4860.

Отпечатано в «Буки Веди»

117246, г. Москва, проезд Научный, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202 +7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com